

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

МИХАИЛ
АХМАНОВ

Михаил Ахманов
Бойцы Данвейта
Серия «Пришедшие из мрака», книга 3

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134282
Бойцы Данвейта: Эксмо; М.: 2008
ISBN 978-5-699-29562-3*

Аннотация

Стычки Патрулей с пиратами-дроми в секторах лоона эо, загадочной расы, живущей тайно и закрыто, стали уже явлением будничным в службе землян-наемников. Поэтому экипаж «Ланселота» во главе с капитаном Сергеем Вальдесом отнесся к очередному локальному конфликту как к привычной работе: догнали, постреляли, освободили, получили вознаграждение. Однако многое в этот раз оказалось совсем не обычным: дроми дрались за свою добычу как одержимые, а на борту торгового кораблика обнаружился... живой лоона эо, и он, а точнее она вдруг решила познакомиться со своими спасителями. Память о событиях, ставших логическим продолжением случившегося, Вальдес долгие годы будет хранить в своем сердце, а... спецслужбы Земли – в особо секретных файлах и документах.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Михаил Ахманов

Бойцы Данвейта

Название расы пришло из языка лоона эо. Самоназвание неизвестно и, очевидно, не может быть воспроизведено звуками земной лингвы.

Галактические координаты сектора дроми: ОгY57/ОгY64, Рукав Ориона. Материнский мир – Файтарла-Ата, координаты ОгY60.08.72, число колонизированных планет – около восьмидесяти. Технологическая цивилизация уровня ВЗ, владеющая контурным приводом, который, вероятно, получили от лоона эо. Происходят от земноводных Фартайлы, в процессе эволюции сохранили когти, клыки и чешуйчатую зеленоватую кожу. Половые различия отсутствуют, одна и та же особь может выступать в качестве самки и самца. Размножаются, откладывая мелкие, похожие на икру яйца, из которых затем выходят личинки, быстро минующие цикл развития во взрослую особь. Данный период аналогичен земному понятию детства, и в это время масса тела личинок интенсивно увеличивается. Однако взрослые дроми продолжают расти, хотя не так быстро, и в старости достигают массы в 150—200 кг. Живут 45—50 лет, но малый жизненный срок компенсируется чрезвычайной плодовитостью; оценка их популяции – 350—400 млрд. особей. Очень агрессивны. Социальная структура – клановая, подчинение старейшинам и вождям кланов заложено на генетическом уровне. На протяжении двух последних тысячелетий служили Защитниками лоона эо, у которых позаимствовали некоторые технические достижения и приемы. Контракт между лоона эо и дроми был разорван в 2099 году, когда на смену дроми пришли наемники с Земли.

По оценке ОКС, дроми в будущем – несомненные соперники человечества.

Источники информации:

1. Сообщения сервов и других искусственных жизненных форм лоона эо, обладающих интеллектом.

2. Сведения, собранные агентами Секретной Службы ОКС.

«Ксенологический Компедиум», раздел «Галактические расы». Издание Объединенного Университета, Сорбонна, Оксфорд, Москва (Земля), Олимп (Марс), 2264 г.

Глава 1

Дроми

Голубая Зона, сектор 223/18, 2266 год

Сигналы бедствия пришли на пятые сутки после вылета с Данвейта. Были они, как всегда, неприятными, даже мерзкими для человеческого обоняния, зрения и слуха: во всех помещениях замигал свет, взвизгнула сирена, изображая свинью на скотобойне, и вдобавок ощутимо завоняло дегтем. Быть может, прежнюю команду «Ланселота» эта какофония призывала к подвигам и хорошо оплаченному героизму, но Сергей Вальдес рассматривал вонь, мигание и визг как издевательство над людьми. Не конкретно над ним или Кро и Птурсом, но над всем земным человечеством. В Розовой Зоне технику поменяли давным-давно, приспособив к запросам землян, а сделать то же в Голубой Хозяева ленились, а может, скупчились, и в результате патрульные тройки летали на древних бейри, корабliках-перехватчиках, оставшихся от дроми. И с теми же дроми воевали, хотя случалось сходиться на пушечный выстрел и с другими клиентами, охочими до чужого добра.

Визг, световые эффекты и запах прекратились, когда экипаж занял места по боевому расписанию. Пульт, изогнутый дугой, был снабжен тремя встроенными ложементами: центральная дыра – для пилота-командира, то есть для Вальдеса, а две другие, по бокам, – для стрелков, Птурса и Кро Лайтвотера. Впрочем, Кро не любил, когда его звали Лайтвотером, настаивая на своем прозвании индейца-навахо – Вождь Светлая Вода. По этой причине экипаж общался большей частью на русском, а не на лингве¹, которая, кроме Лайтвотера, иных вариантов не позволяла.

Сидеть, стоять и работать с пилотской консолью было неудобно: хотя телесным обликом дроми походили на людей, имея голову и четыре конечности, этим сходство и завершалось. Ноги у них были короче, руки – длиннее и гнулись в другую сторону, пальцы были снабжены когтями, а глаза не различали крайних спектральных цветов, темно-красного и фиолетового. Дьявольский труд – водить корабль, предназначенный для дроми, а еще хуже – жить в нем и сражаться! Но такие мелочи не волновали лоона эо, то есть Хозяев-нанимателей. Им, очевидно, казалось, что ветераны Войн Провала и Флота Окраины справятся со всякой техникой, со всем, что ездит, ползает, летает и стреляет. В общем, так оно и было.

Птурс, распределив с пыхтением задницу и другие части тела в узком ложементе, пробасил:

– Куда вызывают-то, капитан? К фактории на Границе или в сектор какой?

– В сектор, – ответил Вальдес, запустив пальцы с когтистыми наконечниками в отверстия консоли. – Двести двадцать третий сектор, восемнадцатый виток... Готовы? Стрелять будем с ходу.

– Я уже откопал свой томагавк, – произнес Кро, ухватившись за спусковые рычаги.

– Я тоже, – подтвердил Птурс, уставившись в тактический экран. Там, на мониторе левого стрелка, ходили вверх-вниз счетверенные стволы его орудия и наливался желтым светом блок подачи снарядов.

– Тогда летим. – Вальдес дал команду на прыжок.

Они вышли из Лимба² с потрясающей точностью, в двадцати с небольшим километрах от цели. Согласно военной доктрине землян бейри «Ланселот» был устаревшим кораблем,

¹ Земная лингва – общепланетный язык, сложившийся к концу двадцать третьего века на основе европейских языков, русского, китайского и арабского.

² Лимб (от латинского *limbus* – кромка, кайма) – измерение квантового хаоса, неупорядоченная часть Вселенной, обо-

чем-то средним между корветом и истребителем, но его электронным системам – или тому, что их заменяло, – позавидовал бы самый мощный крейсер. Лоона эо вообще считались мастерами на такие штуки – лучше их никто не проектировал компьютеров с гречишное зерно и прочей миниатюрной машинерии. Все это было надежным, долговечным и обладало фантастическим быстрым действием.

Обзорный экран над пультом приблизил зону бедствия, позволив Вальдесу и стрелкам оценить обстановку. Как и ожидалось, три лоханки дроми атаковали караван: две висели по краям длинной цепочки барж-контейнеров, удерживая их в силовом захвате, а третья уже оседлала транспортный модуль, головное судно, тащившее груз к ближней фактории. Над транспортом металась алая искра – похоже, дроми уже резали броню, чтобы добраться к управлявшим караваном сервам³ и компьютерам.

– Мой дурик – слева, – пробурчал Птурс. Кро не откликнулся, но оба орудия бейри заработали с обычной синхронностью, извергая в пространство шестьдесят четыре снаряда за долю времени, примерно равную земной секунде. Что это были за снаряды, чем напиготованы, где изготовлены, оставалось тайной для Вальдеса и земных наемников из Патруля и Конвоев, но защитные поля и броню корсарских посудин они прошивали как масло. Еще один хозяйский секрет... При том, что древняя мудрая раса лоона эо не использовала ни ядерных боеголовок, ни антивещества, считая эти технологии потенциально опасными.

Вальдес вел «Ланселот», не слишком увеличивая скорость, давая Кро и Птурсу возможность отстреляться и наблюдая за тем, чтобы лоханки дроми не вышли из сектора поражения. Его экипаж знал, куда палить: первые же залпы вывели из строя системы силовой защиты и батареи врага. Мерцающий ореол, окружавший корабли, погас, затем в бортах их появились трещины, за клубился белым туманом воздух, истекавший из пробоин в пустоту, распустились яркие фонтаны взрывов, вращая клочья обшивки, хранившийся в трюмах груз и разбитые двигатели. «Ланселот» был впятеро меньше пиратских посудин, но смертоносней в десять раз – те превращались в решето, не успев ни выстрелить, ни сманеврировать под непрерывной канонадой. Только дредноуты дроми, лучше защищенные и обладавшие мощностью земных крейсеров, были реальной опасностью для Патруля. Но встречи с ними случались редко.

Один из кораблей раскололся, извергнув огненное облако, второй, отброшенный ударами снарядов от каравана, молчаливый и безжизненный, уплывал в пустоту.

– Был дурик, стал жмурик! А у нас на двести с лишним песо больше! – сказал Птурс и гулко расхохотался.

Третий корабль – тот, что прилип к транспортному модулю, – открыл огонь. Похоже, дроми очнулись, сообразив, что из охотников стали добычей. Реакция у них была помедленней человеческой, и в свое время, когда лоона эо меняли Защитников, это сыграло на пользу Земле. Это, а еще соображения эстетики – дроми казались жутко уродливыми и землянам, и их нанимателям.

«Ланселот» пронесся над караваном, преследуемый струями плазмы, развернулся и вошел в крутое пике, нацелив орудия на дроми.

– Возьмем его в клещи, Кро, – предложил Птурс. – Как ту развалюху в восьмидесятом секторе. Помнишь?

ротная сторона структурированной в Метагалактику материи. При погружении в Лимб становится возможным совместить две точки (два контура вещественного тела) в разных местах метагалактического пространства и совершить мгновенный переход между ними. Этот эффект используется всеми высокоразвитыми расами для межзвездных путешествий. Хаотические флуктуации силовых полей в измерении Лимба, «изнанка» упорядоченного Мироздания, называются квантовой пеной.

³ Сервы – биомеханические, почти разумные устройства, внешне подобные лоона эо; в земном понимании – роботы-андроиды.

Вождь промолчал. Он вообще был молчалив, зато, являясь отчасти киборгом, действовал с похвальной быстротой. Вальдес очень его уважал – не только за почтенный возраст и мастерство стрелка, но и по личным мотивам: в молодые годы Кро сражался под началом его прадеда, Пола Ричарда Коркорана. Коркоран же, полный адмирал, командующий Флотом Окраины, был из тех легендарных героев, что отстояли Землю и ее колонии от вторжения бино фаата, одним из тех людей, которым ставят памятники при жизни. Вальдес весьма гордился своим происхождением.

«Ланселот» падал на корабль дроми, как коршун на голубя, готовый разнести его в клочья и утопить в огне. Спусковые рычаги пришли в движение под руками стрелков, судно сотряслось от первой очереди, и орудия тут же смолкли. Зато сама собой включилась внутренняя связь, и послышался тонкий голосок «Ланселота»:

– Вниманию Защитников! Вооружение временно блокировано. В транспорте живое существо. Хозяин, лоона эо. При атаке на дроми и взрыве их корабля он погибнет с вероятностью 0,78.

Предупреждение прозвучало дважды, на языке лоона эо и земной лингве.

Челюсти у всех троих отвисли. Лончак? Лоона эо в торговом караване? Это было чудом, нонсенсом, нелепостью! Разумеется, лоона эо путешествовали в космосе, но только среди своих эфирных городов-астроидов, с увеселительными целями, на роскошных яхтах или лайнерах. Но на торговую факторию, военную базу или в мир чужаков – никогда! Они были тихими ксенофобами: с одной стороны, старались ни с кем не враждовать, с другой – не поддерживали прямых контактов даже с самыми высокоразвитыми галактическими расами. Торговля и прочие связи шли через сервов, настолько совершенных и похожих на живые существа, что земляне долгое время принимали их за лоона эо и обращались с ними как с равными партнерами. Сервы построили базу на Плутоне и открыли там вербовочный пункт, сервы искали наемников для охраны хозяйского спокойствия, сервы торговали, доставляя на Землю предметы искусства и потрясающую технику, и даже в посольстве лоона эо на Луне тоже были сервы, одни лишь сервы и только сервы! Самим лоона эо близость к чужакам казалась непереносимой; их охватывало отвращение, переходившее в ужас. То был биологический инстинкт их расы, такой же сильный, как страсть людей, фаата или кни'лина к завоеваниям и неограниченной экспансии.

Пушки молчали. Вальдес снова промчался над судном дроми, уклоняясь от оранжевых плазменных стрел. Одна из них все же коснулась защитного поля, и «Ланселот» сильно встряхнуло.

– Мать твою кометой в зад! – выругался Птурс. – Поджарят нас, капитан! Где это видано – чтобы в бою, да не стрелять! – Он грохнул по консоли тяжелым кулаком. – Из-за этого притырка! Из-за этой чертовой, вшивой, ублюдочной...

– Заткнись, – сказал Вальдес, имевший гораздо больший опыт общения с искусственным разумом «Ланселота». – Заткнись и не мешай мне. – Поерзав на неудобном сиденье, он произнес: – Пилот – кораблю. При блокированных орудиях мы не сможем уничтожить противника. В этом случае живое существо обречено. Предлагаю рискнуть. Вероятность 0,78 – это еще не единица.

– Риск исключен, – проинформировал «Ланселот». – Напоминаю: жизнь лоона эо священна!

– Тогда прошу инструкций.

– Спасти живое существо. Спасти лоона эо.

В этом были все Хозяева, вся их психология и отношение к наемникам из Патруля и Конвоев: сделай, и точка! Правда, платили хорошо, по шестьдесят четыре песо за четыре восьмидневки плюс сто двадцать восемь за каждую лоханку дроми. Через пару лет, собрав

три сотни килограммов драгоценного металла, Вальдес мог выкупить свое семейное владение, остров в Тихоокеанской Акватории.⁴

– Разблокируй орудия, – предложил он кораблю. – Мы не будем взрывать дроми, только уничтожим их защиту и плазменные пушки. Затем пристыкуемся к их посудине и перебьем команду ручными излучателями. Это устроит?

– Да, – отозвался «Ланселот».

– Но только за особую плату! – добавил Птурс. – Премияльные или что там еще... Мы, мать-перемать, специалисты высокого класса, а не какая-то абордажная команда!

– Зафиксировано и передано на базу Данвейта. Оплата по категории «нестандартная операция особой сложности». Каждому сто двадцать восемь пиастров.

– Дело, – буркнул Птурс. – Есть за что стараться.

Вальдес развернул бейри и прибавил скорость. Они удалились от каравана на добрых пятьсот километров, затерявшись в темноте; возможно, датчики врага уже не могли отследить их крохотный кораблик. Это было бы неплохо; вернувшись, они нанесут внезапный удар.

– Будет ювелирная работа, камерады. Кро, займись их орудийными башнями. Птурс, на тебе эмиттеры защиты.

– Сделаем, – спокойно произнес Светлая Вода. В свои сто семьдесят с лишним лет он участвовал в таком количестве сражений, что нынешняя стычка его абсолютно не тревожила. Он был ветераном Первой Войны Провала и трех последующих; подобных людей на Земле, Гондване, Рооне и других колониях можно было перечесть по пальцам одной руки.

Они вышли на дистанцию поражения, и Кро тремя очередями изрешетил боевые башни дроми. Птурс работал так же деликатно: снаряды его орудия пронзили черные конусы эмиттеров на носу и корме корабля, и силовой экран исчез. Еще одной очередью он выбил на месте люка аккуратную дыру.

– Придется, капитан, скафандры натягивать, – пробурчал Птурс. – Не люблю я этого. Может, пузырями обойдемся?

При его габаритах влезть в скафандр было так же непросто, как в узкий стрелковый ложемент. Решив, что времени терять не стоит, Вальдес согласно кивнул.

– Обойдемся пузырями. Только перчатки не забудьте. А сейчас... Держись, камерады!

«Ланселот» встряхнуло – корабль сел прямо на отверстие в корпусе лоханки дроми. Консоль полыхнула огнями; приборы сообщали, что силовой луч прочно удерживает их, что место стыковки герметизировано пеной, что в корабле противника есть воздух и что число живых врагов не превышает дюжины. Уперевшись ладонями в край пульта, Вальдес выбрался наружу и, сбросив с пальцев когтистые наконечники, сдвинул пластину пояса. Слегка мерцающий силовой кокон окружил его, такой же прочный, как броня, но не стесняющий движений. Рядом с ложементом распахнулся сейф, Вальдес вытащил перчатки с излучателями и лазерными резаками на тыльной стороне, натянул их и оглядел свою команду. Стрелки, хоть не такие молодые, как он, были в полной боевой готовности: Птурс, разминаясь, поводил могучими плечами, Кро успел сменить протез на правой руке. Его новая конечность была порядком длиннее и кончалась устрашающими клешнями.

– Мы готовы, – сказал Вальдес. – Выпускай нас, Ланселот.

– И о премиальных не забудь, – добавил Птурс.

Часть пола растаяла, и они рухнули в открывшуюся дыру, а затем – в корабль дроми. Тут был воздух, свет и даже тяготение – похоже, судно не лишилось ничего, кроме орудий-

⁴ Тихоокеанская Акватория – одно из новых земных государств, расположенное в Тихом океане. Включает десятки тысяч искусственных плавучих островов, большинство из которых принадлежит семейным кланам и передается по наследству. Жители Тихоокеанской Акватории, выходцы с разных континентов, занимаются морскими промыслами.

ных башен и защитного экрана. Запах, правда, стоял отвратительный, но к этому Вальдес был готов, помнил, что железы дроми, возбужденных боем, выпускают те же флюиды, что тухлые яйца в куче навоза. Планировка тоже была ему знакомой, ибо на корабле врага он десантировался не впервые; эта камера, изогнутая подковой, являлась верхним выходным шлюзом, а пандус у дальней ее переборки вел на жилую палубу и к отсекам управления. В три прыжка он пересек шлюз, встал у пандуса, прячась за углом, и включил усилитель звука и киберпереводчик с дроми-лингвы.

– Это Патруль Данвейта. Вы нарушили границу Зоны влияния⁵ и атаковали торговый караван. Два ваших корабля уничтожены. Бросьте оружие! Сдавайтесь!

Загрохотало так, что стены содрогнулись. В переводе ультиматум казался смесью рева, лязганья, рычания и скрежета, с каким сверло входит в стальную балку. Снизу пандуса, из коридора, вылетел палящий луч, и Вальдес, решив, что ему ответили вполне определенно, вытянул руку и стиснул кулак. Пара крохотных зернышек понеслась в коридор, они тут же распались, заливая все вокруг серебристым неярким сиянием, потом раздался чуть слышимый хлопок – воздух заполнил образовавшуюся пустоту. Фризерные заряды вымораживали газ, жидкость и любую органику в радиусе пяти-шести метров, но действие их было кратким, и взрыв наступлению не мешал. Пропустив вперед Птурса и Кро, Вальдес скатился вслед за ними по пандусу. Ощущение ледяного холода заставило его ускорить шаги. Своды, пол и стены тут заиндевели, поперек коридора валялся застывший труп дроми: зеленоватая чешуйчатая кожа, короткие ноги-бревна, когтистые лапы, лягушачья пасть на безносом лице, выкаченные круглые глаза. Этногенез дроми был пока неясен для ксенологов; возможно, они произошли от земноводных или ящеров, но не таких, как на Земле. В любом случае, их внешность взор не радовала.

Они побежали по центральному, довольно широкому проходу с рядом ответвлений, выпуская в каждую подозрительную щель фризерные гранаты. Морозная мгла клубилась за их спинами и оседала на пол, слышались хлопки воздуха, и эхо разносило грохот тяжелых башмаков. Навстречу метнулись три-четыре огненные струи, растеклись пятнами по силовым пузырям, и Птурс чертыхнулся – должно быть, его прижгло. Они ответили из излучателей и, перепрыгнув через пару мертвых тел, ввалились в просторный отсек, забитый, как показалось Вальдесу, зелеными фигурами в шлемах и пластиковых кирасах. Он выстрелил, разворотив противнику панцирь, и тут же сцепился с другим врагом, тянувшимся к горлу когтистой лапой.

Дроми был силен. Средний представитель этой расы был покрепче человека и обладал естественным оружием, когтями и клыками, однако с тренированным земным бойцом тягаться все-таки не мог – ни в быстроте, ни в хладнокровии, ни в знании приемов, какими одна разумная тварь делает другую трупом. Тем не менее с дроми всегда приходилось соблюдать осторожность – это были существа воинственные, мстительные и свирепые. В определенных случаях налет цивилизации сползал с них, как старая шкура с линяющей змеи, и контроль разума отключался, превращая их в настоящих берсерков. Памятуя об этом, Вальдес не медлил, а пустил в ход лазерный резак и чиркнул дроми по шее. Потом отбросил обезглавленное тело в сторону и огляделся.

Все было кончено. Девять зеленокожих мертвецов валялись в отсеке, кто с ранами в груди, кто с переломанной шеей или простреленной головой, а кто и вовсе без головы. Синевато-пурпурная кровь выплескивалась из жил слабыми толчками, душная вонь висела в воздухе, со стен, в тех местах, куда угодили заряды, сползали обгорелые клочья пластика. Вождь Светлая Вода с невозмутимым видом чистил свой протез, выжигая лазерным лезвием чужую плоть и кости. Птурс – его комбинезон был на плече обуглен – пинал дроми башмаком, не

⁵ Зона влияния – сектор Галактики, в котором доминирует та или иная звездная раса (в данном случае – лоона эо).

замечая, что тот уже мертв, и приговаривал: «Жаба ты поганая... ты у меня, падла, аммиаком мочиться будешь... я из тебя кишки выну и пхоту скормлю... только такую дрянь и пхот не станет жрать...»

– Успокойся, Степан, он ужедохлый, – сказал Вальдес. Птурса, в прошлом командера Степана Ракова, он звал по имени в исключительных случаях, дабы напомнить о дисциплине и привести в сознание. – Ну-ка, посчитаем: три в коридоре и девять тут... Все, что ли?

Кро поморщился, покрутил головой.

– Вонь, как у скуснов в норе... Возможно, не все, капитан, – вдруг кто-то проник на транспорт.

– Сейчас пойдем и проверим, – сказал Вальдес, снимая перчатки. Он вытащил из кармана аптечку и протянул ее Птурсу. – Ты это... ожог обработай и что-нибудь бодрящее вколи.

– Бодрящее пить надо, а не вкалывать, – пробурчал Птурс, однако стряхнул с плеча обгорелые лохмотья и залил рану спреем. – Вернемся, завалимся в «Медный грош» или к папаше Туку и выпьем... выпьем чего покрепче, рому или ширьяка, чтобы стерилизовать желудок и запах этот поганый отбить. Знаете, братцы, году в двадцать первом или двадцать втором, когда мы с дроми у Понкичоги схлестнулись, лейтенант наш велел скафандры надеть. Так выбросили их потом! Такое, понимаешь, амбре, что...

Не слушая его воркотню, Вальдес направился к нижней шлюзовой. Тут, над широким проемом грузового люка, торчала, вытянув длинную жирафью шею, какая-то конструкция – видимо, мощный лазер, которым дроми прорезали корпус транспортного корабля. Транспорт был велик и, как все торговые суда лоона эо, имел форму цилиндра эллиптического сечения, к которому крепились четыре трубы поменьше, разгонные шахты контурных двигателей и восемь тороидальных гравитаторов⁶. Большую часть корабля занимали трюмы для особо ценных грузов (иногда там перевозили всякое экзотическое зверье), а в самой сердцевине находилась капсула экипажа, состоявшего обычно из сорока или пятидесяти сервов. Дроми пристыковались как раз над ней, словно оса-наездник, оседлавшая большую гусеницу. Прорбитое ими отверстие выходило в трюм, где висели световые шары и громоздились контейнеры разнообразной формы. Трюм был просторен и глубок, и из него доносились негромкие звуки – потрескивание и шипенье.

– Сбросим фризеры? – спросил Птурс, склонившись над дырой.

– Нет. Еще заморозим что-нибудь лишнее. – Вальдес усмехнулся и пропищал, подражая голосу «Ланселота»: – Жизнь лоона эо священна!

Они полезли в дыру; первым – Кро со своим биомеханическим протезом, за ним Вальдес, снова натянувший перчатки, и, в арьергарде, Птурс. Гравитация была четверть «же», так что отряд мягко опустился на пол, оказавшись среди разбросанных ящиков и коробок, часть которых была обуглена или разбита выстрелами из лучевого оружия. Тут и там валялись сервы, не меньше трех десятков, защищавшие Хозяина до последнего вздоха и принявшие смерть в этом неравном бою. Их вид был Вальдесу привычен: хрупкие создания полуметрового роста с тонкими изящными конечностями и почти человеческой головой. У них имелись волосы, ушные раковины и лица с нежной розовой кожей, но слишком большие, вытянутые к вискам глаза и непривычные очертания губ и носа подсказывали, что эти копии снимались не с людей Земли. Живых лоона эо Вальдес никогда не видел, даже в голографическом изображении, и полагал, что внешне они точно такие же, как их андройды. Во всяком случае, это совпадало с мнением земных ксенологов.

⁶ Контурный двигатель позволяет странствовать в Лимбе и практически мгновенно преодолевать межзвездные расстояния. Его типичная конструкция – труба (разгонная шахта или колодец), в которой возбуждается поле особой конфигурации. Гравитаторы – гравитационные движки, которые используются для полетов в пределах звездной системы, маневрирования, стыковки с космическими станциями и посадки на планеты. (Перечисленное выше дается в земной технической терминологии.)

Тела сервов были изуродованы. Чем больше биомеханизм похож на живое существо, тем легче его прикончить, а этих не просто умертвили, но еще и поглумились над останками. Оторванные конечности, выдранные глаза, разбитые черепа, следы когтей, прорезавших одежду, кожу, пластик эндоскелета и обнаживших внутренние механизмы, сложную вязь трубочек, проводов, миниатюрных деталей и мышечной ткани... Похоже, атакующие были в ярости.

Птурс остановился, поскреб в лохматом затылке.

– Ну, сучьи дети, разошлись! Лончаков не любят, это я понимаю... А роботов-то за что? Тварей безответных?

– Защищали Хозяина, – сказал Вальдес и мотнул головой. – Пошли! Нам туда.

В центральной части трюм был свободен от ящиков и контейнеров. Пол здесь понижался, в эту выемку выходила торцовая стена обитаемой капсулы с массивной крышкой люка, увенчанной рукоятью. Рядом с люком торчал агрегат дроми, похожий на шестиногого жирафа; шея его изгибалась, а из набалдашника поверх нее вырывался тонкий световой пучок. Стена была прочной, но в ней уже алела двухметровая канавка, полукругом обегавшая люк. Жар и ядовитые испарения витали в воздухе.

– Не заклинил бы, поганец, крышку, – молвил Птурс, поднимая излучатель. – Успокоить его, капитан?

Вальдес кивнул, и молнии дважды перечеркнули механизм. Его опоры разъехались, шея и голова с грохотом рухнули на пол, струйки дыма потянулись к потолку.

– Ланселот, мы на транспорте, – произнес Вальдес в переговорное устройство. – Дроми пытались вскрыть люк жилой капсулы, но это им не удалось. Мы их уничтожили. Что делать дальше? Попасть в капсулу мы не в состоянии.

– Защитникам следует войти и оказать помощь Хозяину, – распорядился «Ланселот». – Сейчас будет послан сигнал для разблокировки люка. Он откроется.

Прошла минута, но люк, против ожиданий, не открылся.

– Никогда не видел живого лончака, – буркнул Птурс. – Капитан, думаю, тоже – слишком мы с ним молодые... А ты, Вождь? Ты полтора века на тропе войны... Попадались тебе лончаки? Чтобы живьем?

Кро пожал плечами. То ли да, то ли нет, то ли что-то третье. К примеру, чепуху болтаешь, парень.

Крышка люка была по-прежнему неподвижна.

– Ланселот, поврежден запорный механизм, – сказал Вальдес. – Люк не желает открываться. Какие будут инструкции?

– Войти и оказать помощь Хозяину, – упрямо отозвался его корабль. – Быстро, немедленно, экстренно.

– Ну, если так уж надо, войдем. – Кро шагнул к люку и ухватился за рукоять своей клешней.

Сила в его протезе была богатырская – крышка скрипнула, лязгнула и поддалась. Один за другим они проникли в капсулу, в первый отсек, который, судя по нишам в стенах и шеренге зарядных устройств, предназначался для сервов. Тут их оказалось двое, и оба бросились к Вальдесу, но отступили, узнав Защитника с патрульного бейри.

– Враги... – зашебетал один на языке лоона эо, которым Вальдес неплохо владел. – Враги... Защитник спасет от врагов? Защитник не позволит им схватить Хозяина? Защитник...

– Враги уничтожены, Хозяин в безопасности. Можешь известить его об этом, – произнес Вальдес, останавливаясь перед дверью, ведущей во второй отсек.

– Невозможно, – тонким голосом пропел серв, тараща на землян огромные глаза без зрачков. – Невозможно! Хозяину плохо. Недолгое время, и Хозяин будет мертв.

– Отчего же?

– Принял эрцу, чтобы не бояться. Водитель разбит... Мы не знаем, что делать...

– О чем он толкует? – хмурясь, спросил Птурс, понимавший язык нанимателей с пятого на десятое.

– Хозяин проглотил какое-то снадобье и скоро сядет на грунт,⁷ – пояснил Вальдес. – Водитель, то есть компьютер, управлявший караваном, уничтожен, а без него сервы не знают, как спасти Хозяина. Они не навигаторы, а просто слуги.

– Насчет спасти мы тоже не в курсе, – резонно заметил Птурс. – Это ведь не люди, а лончаки, псевдогуманоиды... Что нам известно про физиологию? Только одно – наши аптечки им что мертвому припарка.

– У нас есть Ланселот. Он подскажет.

С этими словами Вальдес растворил дверь, шагнул во второе помещение, вздрогнул и замер, потрясенный. За четыре года службы ему довелось побывать на самых разных торговых кораблях, больших и малых, но их обитаемые капсулы отличались незначительно. Чаще всего в двух моментах, зависевших от назначения сервов и положения рубки, которая могла находиться в капсуле или вне ее. У сервов, летавших на внутренних линиях, капсула была тесноватой, только с нишами для подзарядки, но если корабль шел к иномирянам, ее делали попросторнее и обставляли так, как принято у живых созданий, нуждающихся в пище, развлечениях и отдыхе. У чужаков это поддерживало иллюзию, что к ним прилетели лоона эо, а не команда биороботов – немаловажная деталь, полезная в дипломатическом смысле. Но и тогда антураж был скудноватым, чисто спартанским: койки, столы, запасы одежды и пищевых пилюль, напитки, гипнотомы, веселящий газ и все такое.

Здесь обстановка была другой, поражающей роскошью красок, простором и свежим ароматом зелени, плывущим в воздухе. Стены отсека служили, видимо, экранами, изображавшими райскую местность: россыпь дворцов и вилл с хрустальными башенками и шпилями, зелено-золотистые холмы, причудливые скалы с водопадами и радугой, трепещущей над быстрым потоком, большое озеро или море, синевшее на горизонте, крылатые фигуры, что парили над холмами, парками и водной гладью. Очаровательный вид, однако не связанный с планетой: слева от Вальдеса местность резко уходила вниз, потом так же резко поднималась, словно он стоял не на планетном сфероиде, а внутри цилиндрической конструкции, имевшей обитаемое дно и стены и рукотворный свод небес. Небо было самым волшебным в этой картине: по краям – нежно-розоватое, с голубыми, лиловыми и серебристыми облаками; в центре – бархатисто-черное, с яркими крупными звездами и шлейфом Млечного Пути. Сказочное небо, на котором ночь и день пребывали в странном, но таком чарующем единстве.

С этим фантастическим пейзажем соседствовали вещи более реальные, которые можно было не только осмотреть, но и потрогать руками. С двух сторон отсека, отделяя явь от миража, тянулись тонкие колонны или подпорки, увитые лозой с крупными золотистыми листьями. Их было шестнадцать у каждой стены, и между ними стояли предметы, которые в земных понятиях считались бы роскошной мебелью: бюро и шкафчики резного дерева, столики с инкрустацией из цветных камней, украшения – возможно, вазы, скульптура или светильники, приборы неясного назначения, сделанные с редким изяществом и красотой. Разделяя капсулу на несколько секций, колыхались полупрозрачные, шитые серебром и золотом ткани, под ногами стелился пепельный с голубыми узорами ковер, и повсюду взгляд падал на что-то чужеродное, странное, чему не было названий в земных языках. Например, высо-

⁷ Сесть на грунт – обычное для астронавтов Земли обозначение посадки на планету. Иногда применяется как эвфемизм, заменяющий понятия «сдохнуть», «отбросить копыта», «сыграть в ящик».

кий витой конус у двери, будто бы из нефрита, с множеством крохотных отверстий... Что такое? Для чего?

Заметив, что Вальдес смотрит на эту штуку, Светлая Вода махнул над ней рукой, и ноздри капитана расширились. Запах... Тонкий приятный аромат цветущего жасмина... Может быть, сирени или роз...

– Ароматизатор, – лаконично пояснил Кро. – Создает завесу у входа.

Откуда Вождь об этом знал, было непонятно. Впрочем, за долгую жизнь узнаешь так много всякой всячины, полезной и бессмысленной...

– Богато живут! – пробасил Птурс, принимаясь и озираясь. На его широкоскулом лице застыло восхищение, сквозь дубленую кожу пробился румянец. – Богато, клянусь Владыкой Пустоты! На Земле такого и в музее не увидишь!

«Не увидишь», – молча согласился Вальдес. Музеи, древние соборы, королевские дворцы со всем их содержимым погибли пару столетий назад, в период нашествия фаата. Не все, но многие, что повысило ценность сохранившегося стократно. Поврежденное, разбитое, обгоревшее собирали по крупицам, пытались реставрировать по описаниям и фильмам, но то была работа на века. Конечно, художники нового времени трудились не покладая рук, и были среди них великие таланты, но уже не Рубенс, Эль Греко, Брюллов, Хokusай. «Каждый художник – сын своей эпохи, – подумал Вальдес, – и каждый неповторим...» От большинства осталось только имя, и за свои потери земляне мстили долго, упорно и жестоко. Четыре Войны Провала поставили бино фаата на грань Затмения.

– К Хозяину! Скорее к Хозяину!

Тонкие пальцы серва вцепились в комбинезон Вальдеса. Он зашагал по мягкому покрытию, раздвигая легкие завесы, отбрасывая плети золотистого плюща. Птурс и Светлая Вода топали за ним, роняя на ковер клочья саж с комбинезонов и боевых перчаток.

– Ланселот, – спросил Вальдес, поспешая за сервом, – что такое эрца?

– Наркотик. В малых дозах успокаивает и снимает стресс, в больших смертельно опасен.

– Зачем же Хозяин им накачался?

– Нет информации. Лоона эо могут делать все, что пожелают.

– А что делать нам? Есть ли противоядие? И какое?

– Лучевая терапия. Пульт – у хозяйского ложа. Перенести туда Хозяина, затем нажать клавишу.

– И только-то? – буркнул сзади Птурс. – Сервы могли бы справиться. На что эти ленивые ублюдки?

– Сервам нельзя прикасаться к Хозяину. Нельзя входить к нему без зова, – проинформировал «Ланселот» и смолк.

В самом конце отсека был альков с низким круглым диванчиком, над которым мерцало силовое поле. Сквозь эту зыбкую текучую преграду Вальдес едва смог разглядеть маленькую фигурку в позе эмбриона – колени прижаты к груди, голова опущена, узкие четырехпалые кисти⁸ охватывают затылок. Существо лежало спиной к нему и не шевелилось.

Он наклонился, осмотрел боковину дивана, крытого то ли мехом, то ли пушистой тканью.

– Ну и где эта чертова кнопка? Где клавиша?

– Здесь. – Кро вытянул длинную руку с клешней, отодвинул меховой завиток. – Жми, капитан. Твоя заслуга, если спасешь Хозяина.

⁸ Кисти лоона эо четырехпалые, у них принята восьмеричная система счета, поэтому 4, 8, 16, 64, 128 имеют смысл таких же круглых чисел, как 5, 10, 20, 100, 200 у народов Земли. Например, на торговом корабле четыре контурных двигателя и восемь гравитаторов, а счетверенные пушки «Аната» выбрасывают 64 снаряда за долю времени, примерно равную секунде.

– А если он загнется? – Вальдес в сомнении приподнял бровь.

– Будешь держать ответ. На то ты у нас капитан.

Клавиша щелкнула под пальцами. Что-то мелькнуло над ложем – казалось, что ткань или мех исходит серебристыми парами или мириадами снежинок, заполнившими все пространство силового колпака. Разогнув спину, Вальдес поспешно отступил на шаг-другой и вытер пот с висков. Затем поглядел на серва, скорчившегося на полу, и произнес, словно подводя итог:

– Мы сделали все, что могли.

– Христос свидетель, – подтвердил Птурс. – И Будда с Аллахом. И все ангелы, сколько их есть на небесах.

– Что теперь?

– Полагаю, нужно обождать, – произнес Кро с индейским спокойствием.

Серебристая метель улеглась, фигурка пошевелилась. Лоона эо приподнялся, опираясь на локоть, потом сел, совсем человеческим жестом коснулся лба, нарисовал в воздухе какой-то сложный символ, и защитное поле исчезло. Взгляд Вальдеса скользнул по лицу Хозяина.

Не Хозяина – Хозяйки!

Она походила на человека, и она была прекрасна. Высокий чистый лоб делали еще просторнее золотые волосы, собранные в прическу в виде шлема, украшенного блестящими нитями и синим, будто выточенным из сапфира цветком. Удлиненное лицо с маленьким, твердо очерченным подбородком и изящным носиком, яркие, непривычной формы губы, тени на висках, огромные глаза с голубоватыми веками и подглазьями – их цвет был фоном для зрачков такой сияющей, такой прозрачной синевы, что Вальдес задохнулся. Кожа шеи, щек и лба выглядела привычно розовой, и на мгновение он подумал, что голубые веки, тени и перламутровые переливы около ушей – искусный макияж. Но, кажется, то были ее естественные краски. Мнилось, что ее лицо соткано из бирюзовых небес, радуги и утреннего тумана, розовеющего над водой в первых солнечных лучах.

Невиданная красота! Пугающая, искусительная, завораживающая...

Она смотрела на трех землян, на Вальдеса, забрызганного кровью, на великана Птурса в прожженном комбинезоне, на Кро с его чудовищной клешней. Потом рот ее приоткрылся, и в огромных глазах мелькнул ужас.

БИНО ФААТА – точно установленное самоназвание расы.

Галактические координаты сектора бино фаата: PsW127/PsW188, Рукав Персея. Расположение материнского мира неизвестно; число захваченных планет в Рукаве Персея – вероятно, от ста до трехсот. Технологическая цивилизация уровня В7, основанная на симбиозе фаата с искусственными квазиразумными созданиями, наследием даскинов, которые используются на всех уровнях производства и управления. Цивилизация фаата насчитывает три фазы, разделенные периодами катастроф (Затмений). Настоящий период (Третья Фаза) характеризуется развитием мощной военной техники, агрессивностью и активной экспансией в Рукаве Персея. Попытка вторжения в Рукав Ориона – в частности в Солнечную систему – была пресечена в результате вооруженного конфликта в 2088 г., захвата Роона, Тхара и Эзата в 2135 г. и последующих Войн Провала в 2135—2261 гг.

Фаата двуполы и относятся к гуманоидным расам Галактики; способны давать потомство с людьми Земли и, очевидно, с кнй'лина. Отличия от людей: нервный узел на спине (в основании шеи), периодический выброс половых гормонов (период туахха), больший срок жизни, до тысячи лет у фаата высшей касты, и их способность к ментальному

общению. Размножаются при помощи искусственного осеменения женщин касты кса, другие женские особи потомства не дают. Темп размножения медленный; оценка популяции – 2—3 млрд. особей. Используют в своем секторе трудовые ресурсы покоренных рас (аэры, троны, п'ата), о которых практически ничего не известно.

Социальная структура – кастовый патронат. Большими группами населения, сосредоточенными на планете или на материке, управляют Связки, пять-восемь наиболее старых и опытных особей, полностью контролирующих все сферы жизни. Представители высшей касты, имеющие ментальный дар (собственно бино фаата), считаются полностью разумными, представители остальных каст – частично разумными (тхо). Некоторые низшие касты тхо (кса, олки, «рабочие», «пилоты») выведены искусственно, и их физиология больше отличается от человеческой, чем у высших каст.

Источники информации:

1. Отчеты, меморандумы и другие материалы Исследовательского Корпуса ОКС.

2. Результаты независимого изучения технологии, физиологии и истории фаата (монографии, статьи в Ультранете и научной прессе, голофильмы и т. д.).

«Ксенологический Компедиум», раздел «Галактические расы». Издание Объединенного Университета, Сорбонна, Оксфорд, Москва (Земля), Олимп (Марс), 2264 г.

Глава 2

Занту

Ойкумена разума изменялась. Обитаемый мир расширялся с каждым днем, месяцем и годом, отодвигая свои границы все дальше и дальше, от Земли к Луне, Венере и Марсу, затем к Поясу Астероидов, газовой сфере Юпитера, холодному Плутону и, наконец, к звездам, сияющим в холоде и темноте миллиарды лет, с эпохи, когда новорожденные галактики стали разбегаться после Большого Взрыва. Но те времена были не так интересны, как последние столетия, изменившие мир.

Правда, менялся он лишь в представлениях людей, а галактические расы, древние и не очень, особых перемен не замечали. Каждая владела своим сектором пространства, ограниченным природными барьерами, провалом между витками галактической спирали, туманностью из разреженного газа, остатками сверхновой или безжизненной областью, где звезды не имели подходящих к обитанию планет. В звездах недостатка не ощущалось – сто миллиардов солнц любого спектрального класса, любого размера и массы, от красных, белых, голубых гигантов до карликов с чудовищной гравитацией, одиночные или двойные и тройные, затменно-переменные или светившие с редким постоянством, сияли в трех рукавах Галактики и многочисленных звездных скоплениях. С планетами дело обстояло хуже. Множество звезд, обладавших спутниками, были слишком холодными или чрезмерно жаркими, и планетарные тела в их системах не подходили для жизни. Жизнь, особенно разумная, вообще была явлением уникальным; она расцветала в столь узком диапазоне температур, тяготения и состава водно-газовой среды, что оставалось лишь изумляться ее появлению. Очевидно, решающим фактором были величина Галактики и разнообразие условий в ее пределах; иными словами, огромный звездный остров милостиво включал разумную жизнь в список своих диковин и чудес.

Жизнь появлялась там и тут, и возникавшие расы влачили долгое существование в своих мирах или двигались к могуществу, рассылая флоты, колонизируя планеты, захватывая столько пространства, звездных систем и ресурсов, сколько позволяли удержать их численность, биологический потенциал и технология. Затем иные покидали планеты и пересекались в космос, странствовали в безбрежной пустоте, угасали или таинственно исчезали, иные же воздвигали империи и, сталкиваясь с противодействием других народов, атаковали или оборонялись, считая врагом любого чужака. Результат колебался в широких пределах от взаимного уничтожения до равновесия, основанного на трезвой оценке сил, после чего наступала эпоха сравнительно мирных контактов. Но в любой ситуации Галактика не являлась обителью любви и мира, столь же нереальных между чужеродными созданиями, как лев, возлежащий рядом с ягненком.

Ходили среди звезд легенды, что было так не всегда. В прошлом, миллионы лет назад, владела Галактикой раса даскинов, превосходившая мощью всех соперников, и хоть даскины не питали братских чувств к другим разумным, но обходились без истребительных войн и насилия. Когда же Древние исчезли и канула в вечность их эпоха, прежних владык-королей сменили властители помельче, бароны или, в лучшем случае, князья. Любой народ, открывший способ перемещений в Лимбе и пожелавший войти в галактическое сообщество, обычно не вызывал у них приязни и считался если не врагом, то варварской ордой, а в будущем – опасным конкурентом. Это была защитная реакция, тот же инстинкт, что подвигает гиен к убийству молодого леопарда – ибо, как все живые существа, детеныши растут и набирают силу.

Земля не стала исключением – в конце двадцать первого века огромный звездолет, несущий боевые модули и генетический материал, вторгся в пределы Солнечной системы. Пришельцы бино фаата принадлежали к гуманоидным расам Галактики и почти не отличались от людей, что вызвало особую ожесточенность столкновения: те и другие опасались, что более сильный и стойкий народ в ходе космической экспансии ассимилирует противника. Атаку фаата удалось отбить, хотя потери были чудовищны – разрушенные города, десятки миллионов жертв и попранная гордость. Но все-таки пришельцев уничтожили, корабль их достался победителям, и этот приз продвинул технологию Земли на целое столетие. Вскоре в соседних звездных системах Центавра, Сириуса, Вольфа и звезды Барнарда возникли земные колонии, и первыми эту активность заметили лоона эо. К счастью для землян, они не искали врагов, а нуждались в наемниках-ландскнехтах, ибо, владея богатством и знанием, были не в силах себя защитить. Их лайнер опустился на Плутоне, сервы вступили в контакт с космическим флотом Земли, и, с одобрения ООН и всех держав планеты, лоона эо были признаны друзьями и союзниками.

Ценность союза с этой расой не оспаривал никто. Перенаселенная Земля нуждалась в новых территориях, но все ее флоты, боевые и торговые, не смогли бы вывезти тысячной доли эмигрантов, не говоря уж о затратах по освоению диких планет. Экспансия шла, появлялись колонии на Марсе, на спутниках Сатурна и Юпитера и у ближайших звезд, но этот процесс был долгим, рассчитанным на века и поглощавшим массу ресурсов. При содействии лоона эо расселение в других мирах двигалось более быстрыми темпами: за услуги наемников они предоставляли транспорт, средства гibernации и даже благоустроенные планеты в Голубой Зоне, на границах собственного сектора. Каждый боец Патруля и Конвоев мог поселиться там со всеми чадами и домочадцами, ибо наниматели, давно обитавшие в эфирных городах, в этих мирах не нуждались.

Примерно через сорок лет после вторжения фаата был нанесен удар по их колониям в восьмидесяти парсеках от Земли. Он оказался внезапным и победоносным; Тхар, Роон и Эзат удалось захватить почти без потерь, изгнав фаата в тьму Провала. Провал, разделявший два витка галактической спирали, Рукав Ориона с Солнечной системой и Рукав Персея, где находилась метрополия фаата, являлся естественной границей земного сектора. Началась колонизация захваченных миров, среди которых Роон был самым благодатным, способным принять излишки населения Китая, Индии, Бразилии и еще десятка стран. Одновременно лоона эо вывозили сотни тысяч наемников и миллионы их близких, в основном тех же китайцев и индусов, на Данвейт, Харру, Зантар и Тинтах, внешние планеты сектора. Ситуация в этом регионе была непростой, как случалось всегда в периоды смены Защитников. Дроми, воинственная раса, прежде поставлявшая ландскнехтов, оказались не у дел, что означало для них большие потери: контракт с лоона эо был разорван, источник дохода иссяк, поток товаров и ценностей шел на Землю. Но дроми были злобным, мстительным народом, предпочитавшим решать проблемы силой оружия. Они не собирались уступать землянам; их вера в собственную мощь была неколебимой.

На рубежах лоона эо разгорелась необъявленная война. Возможно, флот земных крейсеров с десантными дивизиями утихомирил бы дроми, но Земля и Солнечная система и все колонии людей сражались в собственных войнах, долгих и кровопролитных, тянувшихся больше столетия. Бино фаата вернулись к Роону, и там, на дальних подступах к Земле, гремели битвы, пылали корабли и рассыпались прахом города. Четыре нашествия, четыре Войны Провала, бушевавшие в черной бездне и у пограничных звезд; пять поколений, заплативших дань богам уничтожения; зверства фаата, зверства людей, пытки, убийство пленных, кратеры на месте поселений, раскаленная лава, стекающая с гор, бойцы и герои, сражавшиеся год за годом, без надежды выжить... Цивилизация фаата расточилась в той борьбе, шагнув на грань Затмения; Земля, как подобает звездной империи, набрала мощь и силу. Теперь

о ней знали и ее боялись – и гордецы кни'лина, и грозные хапторы, и хищные льяно, и прочие расы, с которыми предстояло жить, соперничать, вступать в союзы, торговать и воевать. Земля о них тоже знала и помнила, что перечень друзей гораздо короче списка врагов. Быть может, в этом списке дроми значились под первым номером, но мысль о новой войне одних людей пугала, другим напоминала о потерях, у третьих же была не популярной. Время дроми еще не пришло. Боевые корабли ставили на прикол, оружие – на консервацию; распускали экипажи, переоборудовали орбитальные крепости в космические поселения, восстанавливали экологию планет, подвергшихся атаке, расширяли посевы, строили, залечивали раны. Люди нуждались в отдыхе.

Правда, не все. Для многих ветеранов Войн Провала мир являлся чем-то непривычным, даже неестественным; космос был их полем и садом, корабль – надежной обителью, и сесть на грунт в их лексиконе означало умереть. Навигаторы и пилоты, десантники и стрелки, беспокойные души, авантюристы без гроша в кармане, бойцы, лишённые оружия... Тысячи хлынули на Плутон, в вербовочный пункт лоона эо, и Хозяева их взяли. Взяли, ибо то была военная элита, какой не видела Галактика; дорогой товар для тех, кто готов платить, чтобы защититься от разбоя.

Лоона эо платили щедро. Это было условием сделки, в которой, кроме платы за кровь, не предусматривалось ничего другого – ни уважения, ни приязни, ни тем более любви.

Три человека замерли перед ложем. Хрупкий невысокий серв скорчился на полу, его большие, лишённые зрачков глаза мерцали, лицо было бесстрастно. Порывы теплого ветра шевелили занавес, разделявший опочивальню и переднюю часть отсека, из которой доносился тихий шелест листвы.

Златовласая фея со страхом глядела на землян. Затем ее тонкая четырехпалая ручка вытянулась в медленном жесте, будто она хотела изгнать их как жуткий кошмар, выбросить прочь из своего крохотного уютного мира, дремлющего под розовыми и черными небесами. Ее маленькие груди, обтянутые полупрозрачной тканью, приподнялись, рот открылся, словно ей не хватало воздуха.

– Она боится, – молвил Кро Светлая Вода. – Лучше нам уйти.

– Ну хоть на лончака взглянули, – буркнул Птурс, отступая к занавесу. – Будет о чем порассказать в кабаке. Опять же премиальные... Но за такую красотку могли бы и побольше кинуть, чем сотня пиастров.

– С ней все в порядке? – Вальдес наклонился к серву. – Мы больше не нужны?

– Да, Защитник. Благодарю, Защитник. Хозяин может приказывать. Мы исполним. Исполним все, что пожелает Хозяин.

– Ваш Водитель уничтожен. Мы проводим транспорт к ближайшей фактории.

– Да, да, конечно. А сейчас... – Серв повторил жест своей хозяйки.

– Сделали дело, выметайтесь вон, – резюмировал Птурс. – Пошли, камерады.

Они с Кро зашагали вдоль шеренги увитых зеленью колонн, слегка отталкиваясь от пола и скользя при низком тяготении. Вальдес шел за ними, то озирая небеса, на которых звездная ночь смешалась с утренней зарей, то оглядываясь на хрупкую фигурку, застывшую посередине ложа. Сердце его билось чаще обычного. Говоря по правде, колотилось так, словно было готово выпрыгнуть наружу.

У занавеса его догнал журчащий голос:

– Ты, который идет последним... Подойди ко мне.

Язык лоона эо был музыкальным, напоминавшим нежную мелодию, а в ее устах казался звоном хрустальных колоколов.

– Что ей надо? – спросил Птурс.

– Не знаю, – Вальдес пожал плечами. – Хочет, чтобы я остался.

– Только губу не слишком раскатывай, командир. Ты, конечно, молодой, красивый и из себя весь герой, но думаю, что не про нас эта пичужка. Слышал я, что лончаки яйцами несутся. Так это, Вождь, или не так?

– Не так. Они млекопитающие. Отличий, само собой, хватает, но...

Птурс и Светлая Вода скрылись за занавесом, и голоса их пропали, словно отрезанные каменной стеной. Вальдес вернулся к ложу и встал перед ним, скрестив руки на груди. Взгляд бездонных синих глаз жег его, будто упавшая с неба молния. В узкой ладошке лоона эо катала жемчужный шарик, затем поднесла его к губам и быстро слизнула. Язычок у нее был маленький, розовый, детский, да и телом она походила на девчушку лет четырнадцати, которая только начала расцветать.

– Кто ты? – Хрустальные колокольчики прозвучали вновь.

– Сергей Вальдес, Патруль Данвейта. Командир бейри «Ланселот».

– Откуда ты?

– Я же сказал, с Данвейта.

– Ты не похож на живущих там людей. Где ты увидел свет и тьму?

Увидеть свет и тьму... Так лоона эо обозначали рождение.

– На Земле.

– На вашей главной планете?

– Да. На Земле, в огромном океане, что омывает берега пяти материков.

Она проглотила еще один жемчужный шарик. «Какой-то препарат?...» – подумал Вальдес и взглянул на серва. Но тот будто бы не беспокоился.

Ее щеки порозовели, маленькая ладошка коснулась груди.

– Я Занту, потомок Гхияйры, Птайона и Бриани из астроида Анат. Женщина.

– Вижу, что женщина, – пробормотал Вальдес, слегка ошеломленный изобилием предков. – Уж в этом сомневаться не приходится! Рад заглянуть в твои глаза, Занту. – Это являлось всего лишь формулой вежливости. – Что ты делаешь на этом корабле?

– Я тоже рада встретить твой взгляд. Это мой корабль, Сергей Вальдес с Земли. Я торговый агент.

Поразмыслив минуту, он нахмурился и покачал головой.

– Этого не может быть. Лоона эо живут в космических поселениях Розовой Зоны и не летают на торговых кораблях.

– Я летаю. Я особенная лоона эо, – уточнила Занту, спускаясь с ложа. Ее головка при-
шлась Вальдесу точно по грудь. Ростом она была не выше сервов и выглядела такой же изящной и хрупкой, но отличалась от андроидов как свет от тени.

– Куда же ты возишь грузы, особенная женщина лоона эо? – спросил Вальдес.

– Это так важно? – Занту повела рукой и вздохнула. – Если ты хочешь знать, я скажу. Из Розовой Зоны, с Арзы, Куллата и Файо, на фактории, обычно Пятую или Седьмую. Там мне дают Конвой, и я отправляюсь к внешним мирам. Я побывала на планетах хапторов, шадов, кни'лина... Ты знаешь, что кни'лина похожи на вас, на людей? Только у них нет этого, – она коснулась своей прически.

– Ты тоже похожа на человека, – сказал Вальдес. – И у тебя есть волосы. Очень красивые!

– Но все же я не человек.

Ее кожа начала бледнеть, веки и подглазья посерели – видимо, кончалось действие снадобья, позволявшего общаться с Вальдесом. Она покатила в длинных гибких пальцах жемчужную горошину и отбросила ее. Сверкнувший на мгновение шарик словно растаял в воздухе. Вальдес проводил его взглядом.

– Что это?

– Эрца.

– Ты едва не погибла, приняв ее.

– Сейчас малый страх и небольшая доза. Но перед тем... Здесь еще не Граница, Сергей Вальдес с Земли, здесь Голубая Зона. Я думала, что дроми тут редко появляются. Я думала, что погибну.

Вальдес приосанился.

– Ты зря беспокоилась, Занту с астроида Анат. Патруль всегда приходит вовремя.

Она улыбнулась. Улыбка была милой и совсем человеческой: сверкнули мелкие белые зубки, поднялись холмики на щеках, яркие губы словно послали воздушный поцелуй. Занту промолвила слова традиционной благодарности:

– Да будет моя жизнь выкупом за твою. – Ее глаза затуманились. – Теперь иди, Сергей Вальдес. Иди, потому что мне... мне... лучше остаться одной.

– Я понимаю, – мягко сказал он. – Мы неподалеку от Седьмой фактории. Мой корабль приведет туда твой транспорт. Ты можешь отдыхать и не тревожиться.

Занавес раскрылся перед ним. Назад, мимо подпорок, увитых лозой, мимо странных приборов, столиков, шкафчиков, мимо голографического пейзажа с дворцами и виллами, мимо устройства, испускающего запах жасмина или роз... Назад, под небом с фантастическими облаками и бархатисто-черным небом, где сияет шлейф Млечного Пути... Назад, по отсеку сервов с темными нишами для подзарядки, через трюм, где валяются распотрошенные андройды... Назад, все дальше и дальше от Занту и ее благоухающего мирка, к тесным отсекам «Ланселота», к спертому воздуху и неприятным запахам...

«Что она мне? – думал Вальдес. – Кто? Зачем? Чужеродное создание, даже не человек-иномирянин, как фаата и кни'лина, а нечто вроде рыбы среди дельфинов и китов. Облик будто бы похож, а суть другая, хотя у каждой твари в океане есть плавники и хвост... Да и океан не наш! Она ведь не может жить в нормальном мире, на планете... Женщина! Женщина, чьи соплеменники размножаются не половым путем, а бог его ведает как... Надо же, три родителя! И ксенофобия в придачу! Такая, что глушит ее наркотиком!»

Он перебирал отличия Занту от человека Земли, те, о которых было известно с полной достоверностью, и те, о которых шептались на базе, в кабаках Данвейта, на кораблях конвойных и патрульных, но чем больше вспоминалось того и этого, тем ярче сияли ее синие глаза и тем пленительней была улыбка. Наконец Вальдес разозлился и в рубку шагнул с мрачным видом, стараясь не глядеть на Кро и Птурса. Молча он влез в свой неудобный ложемент, проложил курс на Седьмую факторию и убедился, что «Ланселот» взял управление транспортом на себя. Тихо зашелестели гравитаторы, включилась автоматика разгона, а он все сидел и сидел в своей дыре, глядя, как по маршрутному экрану плывут цепочки символов. Тактичный Кро исчез в кубрике, но Птурс, развалившись на полу, хмыкал, гмыкал и чесал под мышкой, явно напрашиваясь на разговор. Любил он поболтать после кровавых разборок – то ли с радости, что жив остался, то ли предвкушая премиальные.

Крепился он минут пятнадцать, потом не выдержал и молвил:

– Ну, как пообщались, капитан? Не положу охулки, пташечка приятная... по-своему очень даже соблазнительная... Ты ей под перышки не заглянул?

Вальдес остался нем как рыба.

– Вождь говорит, они млекопитающие. Грудки у нее и правда подходящие, аппетитные грудки, но против наших девок не потянет. Нет, не потянет! Особенно ежели черных бразильянок взять, которые с примесью китайской крови. У этих шарм врожденный, темперамент, грация... Одно слово, креолки! Хотя и беленькие ничего, те, что с фронта. Хотя бы эта Инга Соколова... Она ведь тебе глазки строит, а?

«Строит», – про себя согласился Вальдес и крепче стиснул зубы. То Инга, а то Занту... Разные песни, как марш и серенада.

– Что-то ты нынче молчаливый, – сказал Птурс, вытащил из кармана монету и принялся ее подбрасывать, заставляя вращаться в воздухе. Это был увесистый кругляшок, девятьюстами процентов платины и десять – иридия, с изображением полоски Мебиуса, символизовавшей Лимб. На другой стороне чеканили разное: львов, орлов, грифонов, пхотов, а иногда – четырехпалую кисть лоона эо. Монета называлась песо, он же пиастр⁹, и уже более ста пятидесяти лет служила основной единицей расчетов с земными наемниками. Ходили легенды, что среди первых патрульных был некий кубинец или, быть может, мексиканец, хранивший старинный пиастр как амулет; он-то и послужил для лоона эо образцом, исполненным, однако, в дефицитной платине. Вскоре появились электронные деньги, личный кредитный медальон, но монеты чеканили по-прежнему. Они придавали жизни на Данвейте, Харре и в других мирах свой неповторимый колорит.

– Инга, она... – снова начал Птурс, но тут терпение Вальдеса иссякло. С трудом вернувшись в тесном ложементе, он бросил на соратника неприветливый взгляд и рывкнул:

– Убирайся в кубрик! И не лезь в мои дела, старый пень!

Насчет старого он перебрал – Птурсу было всего пятьдесят. Конечно, в сравнении с Вальдесом он казался староватым, и к тому же в былые годы имели они одинаковый чин командера. Но Вальдес его удостоился в двадцать шесть, а Птурс – порядком за сорок, когда его взяли старшим канониром на «Москву». В этой должности он пробыл с год; потом «Москву», крейсер Флота Окраины, поставили на консервацию, экипаж списали, а старший канонир приехал в Тверь, на родину. Там запил, а когда в карманах стало пусто, заявился на Плутон.

Птурс встал, потирая обожженное плечо и с обидой оттопырив губы.

– Никакого почтения к возрасту и мундиру, – пробурчал он, направляясь в коридор. – А мы ведь в равном звании, мой капитан! На Звездном флоте за такое хамство был бы тебе шиздец и этот... как его?... полный обстракизм.

– Мы не на Звездном флоте, – напомнил Вальдес и, устыдившись, добавил: – Извини, Степан. Что-то я сегодня не в голосе.

– Бывает.

Втянув брюхо, Птурс протиснулся в коридор. Отверстие в переборке было узковато для его массивного тела, и Вальдес часто удивлялся, как дроми, парни крупные, пролезали в такую щель. Все на этом корабле было не по-людски, не приспособлено для людей: редкие сетки в кубрике вместо нормальных коек, проемы люков неудобной формы, кондиционер, гнавший воздух с мерзким запахом, кухонный автомат, что выдавал временами странную смесь гнилых овощей с вонючим растительным белком. Но хуже всего был галльон. Видимо, акт дефекации у дроми сильно отличался от человеческого, и оставалось лишь гадать, как они ухитрялись не провалиться в дыру метрового диаметра.

Корабль прыгнул в Лимб, протаскивая торговый транспорт через изнанку Вселенной, и вынырнул в двух мегаметрах от Седьмой фактории. Эту огромную конструкцию из сфер, цилиндров и колец вывели на орбиту у алого светила на границе сектора; дальше на двести тридцать светолет тянулась безжизненная туманность, остатки погибшей некогда сверхновой. За этим облаком, в направлении северного галактического полюса, лежало пространство кни'лина, а к югу – территория шада. «Возможно, Занту отправится к тем или другим», – подумал Вальдес; она ведь говорила, что посещает эти расы.

Лоона эо торговали с половиной Галактики. Конечно, не сами, а через сервов, настолько разумных, что отличить их от живого существа было делом непростым, а иногда и невозможным. На экспорт большей частью шли миниатюрные чипы и комплексы на их

⁹ Песо – старинная испанская серебряная монета весом 25 г, известная также под названием пиастра и испанского талера. Имела хождение в американских колониях Испании и в Европе.

основе: разнообразные приборы жизнеобеспечения, кибернетические органы-транспланты, устройства для записи информации и визуализации изображений, агрегаты для переработки мусора, очистки атмосферы, океанов и космических трасс. Оружия лоона эо не предлагали никому и никогда, но, разумеется, их микрочипы пытались применить в военных целях, для производства роботов и боевых систем. Их продукция являлась эффективной, исключительно надежной и малогабаритной, так что в некоторых случаях не было ей ни замены, ни альтернатив.

Кроме уникальной электроники вывозились и другие вещи, удивительные, поражавшие воображение многих галактических рас. Были среди них гипноглифы и зеркала-оборотни, оживающие статуэтки и линзы, заменявшие глаза незрячим, были экраны, поглощавшие шум, лечебные ткани и одежды, что подходили любому существу, подстраиваясь под его телесный облик, были медицинские препараты, пряности и другие пищевые добавки. В обмен лоона эо брали украшения и предметы искусства, желательно древние, имевшие сакральный смысл или овеянные легендами, а кроме того – растения, животных, видео-записи, косметику, галлюциногены и все другие редкости, какие мог предложить инопланетный мир. Не обходилось без контрабанды, если партнеры по торговым сделкам не желали расстаться с национальными шедеврами; иногда продавали и покупали нечто таившее потенциальную опасность, или действительно опасное, или способное стать таковым в неопытных руках. Но то были частности, а в общем и целом торговцы-сервы старались не нарушать чужих законов.

Чем была торговля для лоона эо? Научной программой изучения иномирян, цель которой – представить их быт и психологию? Или они хотели выяснить силу и слабость чужаков, найти уязвимые точки их цивилизации, оценить возможности – с тем чтобы не ошибиться в выборе Защитников? Или, наоборот, узнать, как побыстрее разделаться с ними с помощью своих наемных войск, если возникнет необходимость? Или торговля служила им развлечением? Быть может, раритеты и шедевры из чужих миров тешили их гордость, будили любопытство и фантазию, являлись знаком благосостояния, символом превосходства над другими расами?.. Никто не ведал истинных причин и не стремился их выяснить, ибо чудачества лоона эо не наносили никому вреда. Станный народ, замкнутый, таинственный, но миролюбивый... Тихие ксенофобы... Если за кем следить в четыре глаза, так не за ними. Ксенофобов, не тихих, а весьма агрессивных, в Галактике хватало.

– Транспортный корабль захвачен шлюзом фактории, – послышался тонкий голос «Ланселота».

– Вижу, – сказал Вальдес, наблюдая, как торговое судно медленно втягивается в один из огромных цилиндров. Наконец последняя баржа-контейнер, влекомая лучевой тягой, скрылась в распахнутом зеве шлюза, и он сомкнулся, отрезав корабль Занту, но не воспоминания о ней. Вальдес вздохнул и стал выбирать из ложементов.

– Распоряжения, Защитник? – спросил «Ланселот».

– Перейти в автоматический режим, вернуться в зону патрулирования. Я иду отдыхать. Ты вот что... Ты можешь убрать эту вонь? Ну, сделать воздух посвежее?

– Дыхательная смесь соответствует стандартам, – раздалось в ответ.

Вальдес плюнул, отправился в кубрик, где Кро и Птурс метали кости, отключил тяготение у своей спальной сетки и лег, не раздеваясь. Как обычно, когда он спал в невесомости, привиделся ему родной плавучий остров в Тихом океане, застывший на волнах где-то между Чили и Австралией, зеленые пальмы и магнолии с огромными белыми цветами, полоска золотого пляжа, отцовский рыболовный глайдер и обнаженные смуглые тела братьев и сестер. Будто плещутся они у берега, визжат, смеются, и два ручных дельфина, Зиг и Зага, тычутся длинными рылами им в животы, приглашают на охоту. Он, старший, уплывает в море, оставив позади малышку, плывет мощно, сильными гребками, а вода вокруг

становится все темнее и темнее, превращаясь в черный полог, что мерно колеблется вверх-вниз, вверх-вниз. Играют на волнах лунные блики, стягиваются точками, и вот он уже не в океане, а в космосе, в бескрайнем пространстве, среди планет и светил. Нет у него корабля, ни нынешнего «Ланселота», ни рейдера «Рим», на котором бился в последней Войне Провала, однако несется он в пустоте с невероятной скоростью, мчится мимо ближних звезд к гигантской алой сфере Бетельгейзе¹⁰, летит туда, где в Зонах Розовой и Голубой живут лоона эо. Летит к Занту и знает, что она его ждет. Ее милое личико будто цветок на фоне космической тьмы... Она тянется к нему руками, и на ее губах расцветает улыбка.

СИЛЬМАРРИ. Название расы пришло из языка бино фаата. Самоназвание неизвестно, не может быть воспроизведено звуками земной лингвы и, вероятно, вообще не существует.

Раса сильмарри не имеет Зоны влияния, не привязана к определенному сектору, а странствует на своих кораблях по всей Галактике, являя пример кочующей цивилизации (единственный известный феномен такого рода). Происхождение и материнский мир сильмарри неизвестны, но, по косвенным данным, они, как и даскины, относятся к древнейшим расам Галактики (примерный возраст – 25—30 млн. лет). Технологический уровень сильмарри трудно оценить, хотя их корабль в 2125 г. посетили и обследовали земные ксенологи (в период спячки экипажа, предшествующей размножению). Технология сильмарри носит ярко выраженный биологический характер и не имеет аналогов среди техносфер других галактических рас, знакомых с контурным приводом. Распространено мнение, что их корабли – живые существа, способные проникать в Лимб и адаптированные к перемещению в космическом пространстве.

Достоверные данные о физиологии и способе воспроизводства сильмарри отсутствуют. Внешне они подобны огромным червям (до 6 м в длину, 1,5 м в диаметре), покрытым белесоватой кожей, причем их тела настолько гибки, что могут вытягиваться на 12—15 м. Питание кожное, нуждаются в разреженной атмосфере (до 5% кислорода). Примерная оценка их популяции: несколько миллионов кораблей, в каждом из которых находится семейная ячейка – 500—1000 особей. Социальная структура, если таковая имеется, неизвестна. Абсолютно не контактны и, как правило, не агрессивны; их отношение к другим разумным существам полностью определяется позицией этих существ. Одни расы (кни'лина, хапторы, лоона эо) не препятствуют движению сильмарри в пространстве и даже почитают их, называя «отринувшими твердь планет», «галактическими странниками» и т. д.; с ними у сильмарри не происходит конфликтов. Дроми и особенно бино фаата стремятся уничтожить их корабли, и в такой ситуации сильмарри демонстрируют способность к активной защите и нападению.

Источники информации:

1. Отчет группы ксенологов Исследовательского Корпуса ОКС о посещении корабля сильмарри в системе Гондваны, 2125 г.
2. Отрывочные данные, полученные при различных обстоятельствах от бино фаата и лоона эо.

¹⁰ Бетельгейзе – звезда спектрального класса М2 в двухстах парсеках от Солнца. Красный гигант; радиус Бетельгейзе в девятьсот раз превосходит солнечный.

«Ксенологический Компедиум», раздел «Галактические расы».
Издание Объединенного Университета, Сорбонна, Оксфорд, Москва
(Земля), Олимп (Марс), 2264 г.

Глава 3

Город и Замок

Восемь дней в полете, четыре – на базе... Можно гулять в холмах, что окружают Данвейт, планетную метрополию, или купаться в реке, медленной и широкой, неторопливо несущей воды с Танских гор к Серебряному океану. Можно сидеть в казарме, читать или в двадцатый раз смотреть видеоленты, привезенные с Земли, болтать с другими патрульными, перекинуться в карты либо в кости, послушать знакомые истории – о битвах во тьме Провала, о схватке у Эзата, о легендарном адмирале Хиросиге, о Лунном комплексе и астероиде, где уже два века базируется Первый флот. Можно отправиться в джунгли за Танским хребтом на охоту – там водятся пхоты, ягуары, дикие быки и другая живность, достойная внимания. Можно слетать к океану, лечь у подножий гранитных валунов и глядеть часами в сверкающую даль, вздыхать и вспоминать другое море, что плещет в сотнях светолет где-то на краю Галактики. Можно взять сани – там, у силовых щитов, что огораживают базу, поехать в город, забраться на холм к Замку, потолкаться на улицах, заглянуть в лавки под пестрыми тентами, купить индийский соус или бронзовую статуэтку Шивы и закончить день в кабачке на Патрульной площади. Кабачков было три, «Медный грош», «Пигг» и «У Сильвера», и все предназначены для Защитников. Местные, китайцы, индусы и полукровки, сюда не совались и вообще обходили это место стороной. Древняя площадь их пугала, и к тому же нрав у патрульных был буйный, особенно после фляжки ширьяка.

Вальдес, Кро и Птурс сидели «У Сильвера», в кабаке, который держал папаша Тук, бразилец с примесью китайской крови. Его заведение было декорировано под таверну где-нибудь на Эспаньоле или Барбадосе, в которой в эпоху Моргана и Дрейка гуляли джентльмены удачи, гроза Вест-Индии и карибских вод. Стойку здесь, а также прочую мебель собрали из бочек, на стенах висели якоря, топоры и абордажные сабли с мазками бурой охры, изображавшей ржавчину или засохшую кровь, слева от входа, на куске белесоватой толстой кожи, был приколот штурвал, а справа сверкала начищенной медью небольшая карронада. Папаша Тук божился и клялся, что ее доставили с Земли, выловив у мексиканских берегов с галеона «Сан Диего», но это было наглым враньем – весь пиратский антураж, от бочек до сабель и орудия, сработали местные китайские умельцы. Посуда также являлась изделием их трудолюбивых рук – фаянсовые кружки в виде черепов, широкие глиняные фляги, деревянные тарелки и блюда, украшенные затейливой резьбой, отрубленными пальцами и ушами. Пожалуй, самым загадочным предметом из находившихся в таверне была неровно обрезанная кожа, прижатая к стене штурвалом. Ходил слух, что она снята с сильмарри и оставлена папаше Туку каким-то безденежным клиентом, пропившимся до последней нитки. Многие в это верили или делали вид, что верят, хотя содрать с сильмарри шкуру еще не удавалось никому. Пожалуй, Вальдес, сын океана, был на Данвейте единственным, в точности знавшим: этот клочок кожи вырезан из брюха синего кита.

Они угощались за столом неподалеку от входа. Вальдес и Кро ели-пили в меру, а Птурс, как всегда, наворачивал за троих. Соус и жир струились по его щекам, кости похрустывали на зубах, ширьяк потоком лился в глотку. Закончив с первой флягой и жарким, он огляделся, пересчитал посетителей и заявил:

– Надо бы братве поставить. Положено! Только чего?

Выбор был невелик, ибо «У Сильвера» кроме китайских плодовых вин подавались три напитка: бразильский ром чинчу, хряпа – самогон из агавы, который гнали уругвайцы, и ширьяк – нечто вроде коньяка из местной лозы, произраставшей в Шире, где обитали

потомки гаитянских негров. Ширьяк считался благородным напитком, но стоил подороже, а Птурс был скуповат.

– Не мелочись, Степан, – сказал Кро, выстукивая бронированными пальцами протеза марш десантников. – Сам знаешь, чем обмывают удачу. Я, кстати, в доле.

Птурс поскреб затылок и сунул в щель под столешницей свой кредитный медальон. Потом развернулся вместе с бочонком-табуретом, углядел за стойкой папашу Тука и помахал ему рукой.

– Эй, старина! Тащи пузыри на всю команду! Дюжину фляг с ширьяком и закуску! Сегодня платит «Ланселот». И птичку свою заведи, пусть почирикает.

От такой щедрости тощий смуглый Тук закатил антрацитовые глазки и цокнул языком. Затем, не мешкая, пошарил у стойки, и над ней вспыхнула голограмма, изображавшая большого пестрого попугая. Птица тут же перевернулась вниз головой и пронзительно заверещала: «Пиастры! Пиастры! Р-ром! Пиастры!»

То был знак предстоящего торжества, и к столу, где сидела тройка с «Ланселота», потянулись друзья-приятели, бывшие соратники и сослуживцы или просто знакомые. К данвейтской базе были приписаны восемь тысяч человек, корпус немалый, но все тут знали всех – в основном еще по прежней службе. Шесть тысяч из восьми сражались в последней Войне Провала и числились теперь в патрульных, защищавших Голубую Зону на сорок светолет в любую сторону. Прочие бойцы, из местных либо с планет фронта, входили в Конвои, которых на Данвейте было восемь, а на столичной базе – два, Врбы и Коркорана¹¹. В отношениях между Патрулем и Конвоями имелись тонкости и даже определенная напряженность. Первые, офицеры флота, обычно уроженцы Солнечной системы, бороздили пустоту на правах охотников и кроме твердой ставки получали призы «с головы» – то есть с каждой посуды дрома, которую удавалось настичь и распылить. Вторые, не обладавшие чинами и большим военным опытом, завербованные в земных колониях или на Данвейте, сопровождали караваны в дальних маршрутах и сидели на «рейсовых» – песо в день. Словом, Патруль был белой костью, а Конвои – черной, и иногда, после пятого стакана, об этом вспоминали.

На табурет рядом с Птурсом опустился Жаккоб, бывший десантник, бывший пилот, бывший лейтенант-коммандер, кавалер Почетного Венка, двух медалей «За личное мужество» и ордена «Пояс Ориона». За ним подошли другие достойные люди, ветераны Флота Окраины: Ивар, Хайнс и Хлебников с «Трех Мушкетеров», Фаустино с «Гарибальди», Борленги и Фуа с «Жанны д'Арк», Коутс, Лазарев, Татарский с «Капитана Блада», Понишек и Анастасис с «Марии Селесты», Юиро Асаи и Токугава с «Восходящего солнца». Вокруг сразу сделалось шумно и тесно, в воздухе поплыл табачный дым, с ним смешались эманации спиртного и крепкого дезодоранта, которым тянуло от Жаккоба.

– С удачей, камерады, – провозгласил он, поднимая кружку.

– Да хранит вас Владыка Пустоты! – добавил Мариус Понишек.

– Пусть хранит всех нас, – уточнил Дик Коутс.

Подкатила тележка-робот с дюжиной глиняных фляжек, забулькал ширьяк, приплыла закуска на шести подносах. «Пиастры! – завопил попугай. – Гр-рот рр-расправить! Все на ррею, черрти!»

– Сколько их было? – поинтересовался Татарский. – Слышал я, чуть ли не целая эскадра.

¹¹ Согласно традиции, Конвои назывались по фамилиям великих адмиралов, сражавшихся с фаата с двадцать первого по двадцать третий век. На Данвейте их было восемь: Конвои Литвина, Коркорана, Тимохина, Врбы, Райдера, Хиросиге, Сайкса и Вентури. Бейри, малым патрульным кораблям, обычно присваивали имена исторических или литературных персонажей, а более крупным штурмовикам – имена полководцев древности.

– Трое. – Птурс с довольным видом погладил живот. – Двоих урыли с ходу, третьего взяли на абордаж. Три посуды и жмуриков с полсотни. Не бегать им больше по зеленым лужкам!

«Абордаж! – выкрикнул попугай. – Кр-рючья на боррт!» Асаи взял с блюда местный плод, видом похожий на апельсин, а вкусом – на свеклу, макнул его в блюде с маринадом и спросил:

– На абордаж-то зачем? Размяться захотелось?

– Что я, контуженный? – откликнулся Птурс. – Тут, видишь, такое дело...

Он смолк, поймав свирепый взгляд Вальдеса. Все нюансы операции были переданы «Ланселотом» сервам-Регистраторам и Планировщику базы, искусственному интеллекту в командной башне. Кроме них, никто не ведал о Занту, так что схватка «Ланселота» с дроми казалась хоть удачей, но событием в общем-то заурядным. Патрульным случалось биться против трех, четырех, пяти пиратских кораблей и одерживать над ними славные виктории. Тут все зависело от внезапности удара, искусства пилота и хладнокровия стрелков.

– Третья лоханка оседлала транспорт у контурного привода, – пояснил Вальдес. – Мы боялись разгонную шахту пробить. Ремонт в пустоте – штука дорогая.

Кро подтвердил эту версию молчаливым взмахом протеза, а Птурс тут же начал объяснять в деталях, как разнесли корыта дроми, вьетнам их мать, сначала первое, потом второе, как пощупали за вымя третье, проделав в шлюзовой дыру и выпустив дерьмо, как припекли ему лазером – вот, шрам еще не зажил! – и как воняло после драки в «Ланселоте», пахло так, что хоть сквозняк изображай, да только что за сквозняк, ежели пусто кругом, и потому пришлось терпеть три дня и чистить перья на базе, но все равно амбре такой, что стыдно подойти к приятелю, не говоря уж о бабах. Этот долгий монолог иногда прерывался криками голографической птицы, звавшей всех рр-рубить шварртовы, ррезать горрло и бурром перереть. Когда же история закончилась, Жакоб принялся и заявил, что от Птурса ничем не пахнет, кроме ширьяка, и что спиртное всякий запах отбивает – само собой, если принять на грудь в необходимой дозе. Тем временем двенадцать фляжек показали дно, и пришла очередь для Кро и Вальдеса знакомить щель со своими медальонами. Шум в кабаке становился все громче, сабли, якоря и топоры могли уже повиснуть в дымном воздухе без дополнительных опор, папаша Тук вспотел, гоняя тележку и подносы на гравитяге, а над стойкой, обещая груды пиастров, надрывался попугай.

Дверь отворилась, и в кабак вошли женщины. Их было семь или восемь – высоких, стройных амазонок из Конвоя Врбы, носивших голубую униформу с портретом героического адмирала. Окинув мужчин внимательными взглядами, они проследовали к дальнему столу, уселись и велели подавать китайское сливовое вино, дробленые орехи с медом и лепестки кайсейры. То были блюда лоона эо, которые лучше готовили в «Пигге», чем «У Сильвера»; в «Пигге» прямо перед входом росла огромная кайсейра, и лепестки ее были свежи, как первый снег. К тому же там выступали индийские девушки-плясуньи и труппа из Новой Мексики в костюмах майя и ацтеков, изображавшая весьма пикантные обряды плодородия. Но у заведения папаша Тука были свои преимущества: здесь собирались ветераны и здесь нередко вспоминали о Земле. У колонистов, особенно женщин, всякая весть с прародины ценилась больше хлеба и зрелищ.

– А вот и милые дамы! – воскликнул Птурс, попробовал встать, но, сраженный ширьяком и силой тяготения, рухнул на свой бочонок. Толпа, окружавшая экипаж «Ланселота», стала рассасываться; мужчины перетекали ближе к девушкам, здоровались, улыбались, приглашали их к своим столам. Если существовал антагонизм между Патрулем и Конвоями, к слабому полу это никак не относилось. Вообще-то на Данвейте, где выходцы с Земли жили второе столетие, хватало женщин, хрупких изящных китайок, смуглых индусок, темнокожих гаитянок и страстных дочерей Бразилии, Мексики и Уругвая. Но эти девушки в голу-

бом были другими – другими уже потому, что рисковали жизнью наравне с мужчинами. Их не пугали ни черные бездны, ни блеск чужих светил, ни погружение в Лимб, ни залпы аннигиляторов; свою работу они выполняли не хуже, чем тысячи других бойцов Данвейта. И еще – о чудо из чудес! – были среди них такие, каких не сыщешь на всей планете: светловолосые, белокожие, с синими и серыми глазами.

Одна из этих сероглазок сейчас смотрела на Вальдеса. Пристально смотрела – можно сказать, не спускала глаз.

Птурс ткнул его локтем в левый бок, Кро пихнул протезом в правый.

– Иди к ней, – молвил Птурс заплетающимся языком. – Такая девка по тебе сохнет! Это ведь не лончиха сублинная, а яблочко в самом соку. Иди, капитан, не щелкай клювом!

– Иди, – поддержал его Вождь. – Я ощущаю благоприятные флюиды. Иди!

– Ну, раз флюиды... – пробормотал Вальдес, поднялся и начал пробираться вдоль стойки. «На абор-рдаж!» – рявкнул над ним попугай. Вздвогнув, он сделал пару шагов и присел рядом с девушкой. На ее тарелке увядали нетронутые лепестки кайсейры.

– Здравствуй, Инга.

– Здравствуй, Сергей.

Они помолчали, пряча глаза друг от друга. Потом Инга Соколова, третий штурман из Конвоя Врбы, спросила:

– Давно вернулся?

– Сегодня днем, – сказал Вальдес и перешел на русский: – Приземлился в час семнадцать и отмывался от вони до трех. После Птурс сюда потащил, расслабляться.

Инга повернулась, внимательно оглядела Птурса и заметила:

– Он, кажется, уже расслабился, да и остальные тоже. – На ее губах промелькнула улыбка. – Я хочу уйти отсюда. Пойдешь со мной, Сергей?

– Да. Конечно. С удовольствием.

Пробравшись между столиков, они вышли на площадь. Впрочем, никто не знал, являлось ли в былые времена это место площадью или чем-то иным, не постижимым для человека. Большая, идеально круглая площадка была покрыта стекловидным веществом, и в его глубине, казавшейся бездонной, медленно и плавно скользили цветные фигуры, то складываясь в яркий геометрический узор, то распадаясь в хаотическое смешение точек и пятен. Если смотреть на их пляску достаточно долго, то начинала кружиться голова, после чего не исключалась временная амнезия. Другим загадочным свойством площади было отторжение искусственных тел: любые постройки и агрегаты тут быстро разрушались, а наземные транспортные средства не могли ее пересечь – отказывал двигатель. Но пешие прогулки не возбранялись, как и строительство за пределом периметра. Местные площадь не любили и называли ее Чертовым Кругом.

Вальдес и девушка шли неторопливо, стараясь не глядеть под ноги и направляясь к холму с громадой Замка, что высился напротив кабачков и лавок. Инга, в отличие от рослых соратниц, была невысокой, Вальдесу по плечо. Светлые короткие волосы, серые глаза и чуть вздернутый носик, усыпанный веснушками, – внешность, вполне обычная в Швеции или России, но редкость для Данвейта. В период Войн Провала Данвейт заселялся людьми из стран с избытком человеческих ресурсов, смуглыми, темноволосыми и темноглазыми. Эти потомки ландскнехтов из Индии, Бразилии, Китая уже не отличались воинственностью; их вполне устраивал великолепный мир, дарованный лоона эо их предкам за верную службу.

Рыжее солнце Данвейта склонялось к закату, пластик стен и крыш отдавал дневное тепло, от неподвижного знойного воздуха сохли губы. Но стоило сделать двадцать шагов от дверей кабачка, как ощущения изменились: на площади всегда царила прохлада и пахло чем-то неуловимым, но приятным, будившим воспоминания о Занту. Занту! Вздохнув, Вальдес

покоился на ладную, стройную фигурку спутницы. Милая девушка, но так не похожа на златовласую фею, спасенную «Ланселотом»!

– Здесь хорошо, – сказала Инга, замедляя шаг. – Свежесть, как у нас на Тхаре... Ты там бывал, Сергей?

Тхар являлся одним из миров, отобранных у фаата и заселенных земными колонистами. Битвы последней войны его пощадили – сражения велись в Провале, за десятки парсек от пограничных планет, Тхара, Роона и Эзата. На них еще не имелось мощной индустрии и многочисленного населения, так что ремонтные службы, госпитали и центры реабилитации были развернуты на Гондване, в глубине сектора.

– Нет, на Тхаре быть не довелось, – Вальдес покачал головой. – Твоя семья давно там живет? Ты настоящая тхара?

Она улыбнулась.

– Настоящая. Мы из первых поселенцев и живем там шесть поколений. На Земле, – ее улыбка стала мечтательной, – Соколовы жили в Сибири, у огромной реки с женским именем.

– Лена?

– Да, Лена. А ты? Откуда ты?

– С плавучего острова в Тихом океане. Есть на Земле такая страна – Тихоокеанская Акватория. Архипелаги островов на баллонах из аквапрена, с насыпным грунтом, плывущие над морской бездной.

– Правда? Но ты говоришь по-русски не хуже меня!

– Мужчины в нашей семье брали в жены русских девушек. Такова семейная традиция. Моя мать Анна – русская, как и бабушка Надежда и прабабка Вера.

– Я тоже русская, – молвила Инга и вдруг зарделась. – Ты... ты только не подумай, что я... я не...

– Пустяки, тхара. – Видя ее смущение, Вальдес решил сменить тему: – Так ты у нас Соколова... Красивая фамилия! Тебе известно, что она означает?

– Птицу, сильную грозную птицу, что водится на Земле. Но я никогда не видела живого сокола. Их нет на Тхаре. Там хорошо, но многого нет... слишком многого.

– И поэтому ты завербовалась?

– Да. Увидеть что-то новое, отличное от нашего фронта... увидеть других людей, другие миры и все их чудеса... – Ее взгляд поднялся к Замку. – Тут, на Данвейте, полно чудес, а вот соколов тоже нет.

– Зато есть плуми, – сказал Вальдес. – Плуми, кайсейра, Замки, дороги и бог знает что еще. Есть что поглядеть!

Инга появилась на Данвейте шесть или семь восьмидневок назад, с транспортом наемников, среди которых было много девушек. Видимо, лоона эо решили увеличить женский персонал на трех данвейтских базах, чтобы бойцы из Патруля и Конвоев не ссорились с местными. Вообще-то две людские популяции жили сравнительно мирно; военные были для гражданских верным источником дохода, но также беспокойства, если говорить о женах, дочерях и сестрах. Лоона эо это учли; они неплохо разбирались в человеческой психологии.

По площади, напоминавшей огромный калейдоскоп, девушка вела Вальдеса к Замку. Чертов Круг лежал на самой городской окраине, охваченный подковой заведений, где патрульные спускали песо. Тут были лавки, три кабака, кофейни, мечеть и церковь; еще гостиница, банк, китайский ресторанчик и что-то вроде варьете с комнатами для свиданий. За их чертой лежал Данвейт, столица региона и всей планеты: сорок тысяч жителей, три бульвара, затененных деревьями, один базар, набережная и каменный мост через реку. Самое высокое здание – ратуша в пять этажей, где заседали местные магистраты... Таких городков на Дан-

вейте было ровно столько, сколько Замков, то есть пятьсот двенадцать¹². Все они располагались около поселений лоона эо, древних и давно покинутых, так как эти пункты лучше всего подходили для обитания и были связаны сетью дорог. Окрестные земли считались самыми плодородными, всюду имелась вода, большая река или озеро, климат был райский, места – живописными, без всякого намека на опасность. Впрочем, на Данвейте, как и на других планетах, предназначенных землянам, хищные твари вроде пхотов содержались в заповедниках, а ядовитых гадов и другой нечисти вовсе не попадалось: лоона эо, колонизируя эти миры, поработали основательно.

Замок притягивал Ингу, и Вальдес ее понимал: все новички ходили любоваться этим чудом, что возвышалось на холме за площадью. Замок словно отлили из сверкающего серебра – именно отлили в какой-то гигантской форме, а не собрали из частей, ибо он являлся сооружением целостным, без швов и стыков, без следа крепежной арматуры и, что казалось самым странным, без дверей и окон. Восемь башен, тонких в середине и расширявшихся к верхушке и подножию, примыкали к центральному стволу, тянувшемуся вверх метров на двести и накрытому как бы бутоном цветка, тюльпана или лилии. В трех местах эту главную башню охватывали пояса из длинных труб с прорезанными вертикальными щелями; налетавший ветер играл в них мелодии, что разносились над городом, рекой и грядами холмов. Конструкция походила на огромный цилиндрический орган или межзвездный лайнер, замерший перед стартом, но готовый прыгнуть в небеса по первому сигналу.

Инга запрокинула голову, рассматривая волшебный замок. Вечернее солнце золотило ее льняные волосы, и на мгновение Вальдесу почудилось, что с ним не земная девушка, а Занту. Нелепая мысль! Лоона эо давно уже не опускались на планеты без гравикомпенсаторов.

У Инги вырвался восхищенный вздох.

– Что за чудо, Сережа! И таких еще пятьсот одиннадцать?

– Не таких. Есть, конечно, что-то общее – расположение на холме, площадь у подножия, четыре, восемь или шестнадцать башен, кровля в виде бутона и эти опояски из труб... Но каждый Замок уникален. Одни словно из цветного хрусталя, другие из камня или дерева – вернее, из их имитации, третьи ажурные, будто бы вырезанные из кости. Есть янтарные, жемчужные, в зеленоватых разводах, как малахит, есть в форме застывшей волны, скалы или похожие на оркестровую трубу, на пирамиду, на винный бокал...

– Ты все их видел?

– Нет. Видел два у наших баз в Шире и Тане, и еще, пожалуй, штук пятнадцать-двадцать. Кое-что в голографии.

– Лоона эо в них жили?

Вальдес пожал плечами.

– Считается, что так. Будто бы они двинулись из Розовой Зоны в Голубую, расширяя свой сектор, заняли подходящие планеты и преобразовали их на свой вкус. Каждый Замок с прилегающей территорией был поместьем, где обитала одна семья или то, что у них считается семьей. Они населили Данвейт, Тинтах, Харру, другие миры... давно, очень давно... десять или двенадцать тысяч лет назад. Но это гипотезы, Инга. Даже на пограничные планеты они не пускают ученых с Земли, никого не пускают, кроме наемников. Нас, иначе говоря.

– Почему?

– Кро говорит, боятся осквернения их древних памятников.

– Кро?

¹² Пятьсот двенадцать в системе счисления лоона эо является круглым числом, восьмеричной тысячей (восемь в кубе).

– Вождь Светлая Вода, мой стрелок, очень старый и мудрый. – Вальдес посмотрел на площадь, на серебряный замок и усмехнулся. – Если бы наши археологи, историки, ксенологи и прочая братия прорвались сюда, представляешь, тхара, что бы тут началось! Пробурили бы Чертов Круг, провертели дыры в Замке, влезли внутрь – а там, возможно, усыпальница или хранилище святых реликвий... Ну, пойдем? Тут есть дорожка, можно подняться к внешним башням, если хочешь.

– Хочу.

Они двинулись вверх неширокой тропкой, дважды обвивавшей поверхность холма. Некогда то был настоящий тракт, но за минувшее время его стеснили деревья, а покрытие, должно быть, лежало где-то в глубине, под слоями песка и земли. С высоты был виден город, освещенный солнцем, висевшим низко над рекой: ратуша, рыночная площадь, несколько храмов и мост, за которым зеленели фруктовые рощи и рисовые поля.

– Десять тысяч лет назад... – задумчиво промолвила Инга. – На Земле еще в пещерах жили, на мамонтов охотились... ни пирамид тебе, ни металла, ни кораблей, ни письменности... А здесь – пятьсот семейств, и в их распоряжении целая планета! Дворцы, дороги, парки! Почему же они отсюда ушли?

– Решили, что в астроидах комфортнее и безопаснее. Полностью управляемая среда, – ответил Вальдес. – Теперь они не могут жить на планетах – привыкли к четверти нормального тяготения. Зато жизнь при низкой гравитации дольше, потому что кровеносные сосуды меньше изнашиваются и...

Инга внезапно ойкнула и прижалась к нему – из-за поворота вышел огромный дроми. Он был облачен в длинную синюю хламиду, опоясан широким ремнем и двигался неторопливо, переваливаясь и шаркая короткими ногами в плетеных сандалиях. Кожа на его лице отвисла, чешуйчатые брылы достигали плеч, глаза казались тусклыми, будто затянутыми пеленой прожитых лет. Пахло от него не очень приятно, но все же терпимо.

– Пусть воды твоей жизни стоят высоко, – произнес Вальдес на языке лоона эо и сделал ритуальный знак приветствия.

– Пусть не заходит солнце над твоим жилищем, – ответил дроми, покосился на Ингу, сузил вертикальные зрачки и прошел мимо. Сзади на его ремне болталась сумка с торчавшим наружу горлышком фляги.

– Кто... – пробормотала Инга, – кто он такой? Откуда?

– Фарлок, из мирных дроми. Не встречала таких? Их тут немного, и этот самый старый.

– Такой большой!

– Дроми растут постоянно, до самой смерти. Фарлок иногда поднимается к Замку, пьет бразильский ром и размышляет о вечном. Философ! Но подозреваю, не той школы, что узаконена у дроми. Наверное, диссидент.

– Вот как! – Инга уже пришла в себя. – Еще одно чудо... А мне казалось, что дроми все одинаковы.

– В мире нет двух одинаковых песчинок, а это – живые существа, – заметил Вальдес. – Кро, правда, утверждает, что самосознание у них не такое отчетливое, как у людей.

– Кро? Опять Кро? Откуда он все это знает?

– Прожил жизнь, какая нам не снилась. Сто семьдесят лет и три года в здравом уме и твердой памяти... Кроме руки, колена и легкого ничего не потерял, а приобрел гораздо больше.

Они поднялись к малой башне и прикоснулись к ее серебристой теплой поверхности. Солнце садилось, но город, лежавший у реки на западе, был виден как на ладони. Вдоль берега тонкой блестящей полоской тянулась дорога, раздваиваясь у городской черты. Ее боковое ответвление обегало Патрульную площадь и уходило дальше на восток, рассекая лесистые холмы, чтобы исчезнуть через сотни километров в тоннеле под Танским хребтом.

Другая магистраль по-прежнему бежала у речного берега на юг, к данвейтской базе, потом к Ширу с его виноградниками и к землям Новой Мексики, раскинувшимся у Серебряного океана. Дороги Данвейта были таким же чудом, как древние виллы на холмах, круглые загадочные площади, леса, похожие на парки, и океаны, где не водилось слишком хищных тварей, а экологию поддерживал планктон. Транспорт, ходивший по этим дорогам, не нуждался в моторах и топливе, гравитяге, воздушной подушке и даже в колесах; то были сани из легкого пластика, малые и побольше, скользившие стремительно и плавно. Они никогда не сталкивались, управлялись рычагом, регулировавшим скорость, и были безотказны. Похоже, в них нечему было ломаться.

Солнце садилось, на потемневшем небе робко вспыхнули звезды, потом выкатился золотой Кайар, дальний и самый крупный спутник Данвейта. Поверхность Чертова Круга засияла цветными спиралями, сложившимися в изысканное кружево, вверху запел под ветром серебряный орган, и, словно повинувшись его протяжным звукам, узор из спиралей рассыпался. У заведений на противоположной стороне площади зажглись яркие фонари, к кабачку папаши Тука подъехал десяток саней, и на улицу повалила толпа. Вальдес разглядел, как Птурса и еще кого-то – кажется, Понишека с «Селесты», – осторожно грузят в сани. С Понишеком справлялись двое, а Птурса, с учетом его габаритов, тащили четверо, и те пошатывались. Пара саней двинулась дальше, к дверям «Медного гроша», где поджидали несколько мужчин и женщин в мундирах патрульных. За дальностью расстояния Вальдес их не узнал, но Инга, кажется, была знакома с ними.

– Адмирал Ришар с «Рамсеса», – сказала она. – Вчера вернулись и тоже празднуют. Дредноут распылили у Четвертой фактории.

– Без потерь?

– Говорят, пробоины в корпусе, но никого не задело. – Она подняла к Вальдесу освещенное луной лицо. – Сергей... прости, что я любопытствую... правда, что ты потомок Пола Коркорана? Того, что был в группе «Ответный удар» и дрался в Первой Войне Провала?

– Он мой прадед, – коротко сказал Вальдес. Он гордился своим происхождением, но говорить на эту тему ему не хотелось – рано или поздно пришлось бы объясняться по поводу семейного проклятия. С рождения прадеда прошло немало лет, и вряд ли оно тяготело над самим Вальдесом, имевшим двух братьев, двух сестер и трех племянников, но у отца и бабки проблемы были. Или, скажем, трудности – но из таких, которые не обсуждают с девушками.

Обняв Ингу за плечи, он подтолкнул ее к тропе.

– Пойдем, тхара. Скоро совсем стемнеет.

Девушка вздрогнула и прижалась к нему сильнее – так, что он почувствовал на щеке ее дыхание. Они зашагали вниз под древесными кронами, в полумраке, скрывавшем их лица, и Вальдесу казалось, что его рука лежит на хрупких плечах Занту.

ЛООНА ЭО – точно установленное самоназвание расы.

Галактические координаты сектора лоона эо: OrY38/OrX05, Рукав Ориона. Материнский мир – Куллат, координаты OrX01.55.68. Вблизи Куллата находятся Файо, Арза и другие миры так называемой Розовой Зоны, освоенные и заселенные лоона эо в глубокой древности (предположительно 50—80 тысячелетий назад). Внешняя, или Голубая, Зона включает порядка двадцати планет – Харра, Тинтах, Данвейт и т. д., – колонизированных в более поздние времена (10—12 тысяч лет назад). Технологическая цивилизация уровня A1, наиболее высокого среди известных рас. Псевдогуманоиды; при внешнем облике, подобном человеческому, существуют глубокие физиологические различия между лоона эо и гуманоидной ветвью (люди, фаата, кнн'лина и прочие). Происхождение неизвестно, темп и способ размножения неясны; вероятно,

число полов больше двух. Оценить размеры популяции не представляется возможным. В психическом плане лоона эо интроверты, абсолютно не склонные к личным контактам с другими разумными существами. Тем не менее они поддерживают активные торговые связи со множеством цивилизаций, используя для этого сервов, весьма совершенных биороботов с интеллектом выше порога Глика-Чейни. Миролюбивы и, вероятно, очень долговечны. В настоящее время покинули планеты, включая материнский мир, и обитают в астроидах, искусственных космических поселениях. Социальная структура неизвестна. Для обороны своего галактического сектора нанимают расы-Защитники (достоверно известны две: дроми, а до них – хапторы). С 2097 г. Защитники вербуются в Солнечной системе и других мирах Земной Федерации. Первый контакт с сервами лоона эо произошел на Плутоне, в 2096 г.

Источник информации: Официальные документы, представленные дипломатическим корпусом сервов, посольство лоона эо на Луне.

«Ксенологический Компедиум», раздел «Галактические расы». Издание Объединенного Университета, Сорбонна, Оксфорд, Москва (Земля), Олимп (Марс), 2264 г.

Глава 4

В пространстве

Голубая Зона, сектора 225/10 – 225/15

Деление на Зоны, принятое у Хозяев-нанимателей, никак не относилось к цветам океана и утренней зари. Термины «Голубая» и «Розовая» были придуманы людьми и молчаливо приняты сервами; оставалось лишь гадать, известно ли об этом самим лоона эо. По поводу названий Зон ходили всевозможные легенды. Одна из версий утверждала, что первых земных наемников обряжали в розовую или голубую униформу – смотря по тому, где предполагалось их использовать. Другое предание было связано с дроми; новые Защитники сменяли прежних сначала во внутренней области, и там случились первые контакты между дроми и людьми. Зрение у дроми менее острое, и люди им казались на одно лицо с мягкой розовой кожей, потому их и прозвали розовыми слизняками. Так внутренняя Зона стала Розовой, а для внешней цвет был выбран по контрасту. Бытовало и иное мнение: якобы на Плутоне, в вербовочном пункте, часть наемников шла на посадку через розовые ворота, часть – через голубые, и грузились они на разные транспорты, одни на внешний мир в системе Файо, а другие – на Тинтах и Данвейт. Так ли, иначе, но теперь было трудно отделить выдумку от правды, ибо миновало полтора столетия и о первых годах исхода не сохранилось ничего, кроме легенд и мифов. На Земле и в земных колониях всю информацию о прошлом собирали и бережно хранили в документах, книгах, голозаписях и памяти Ультранета, но среди уходивших к лоона эо не встречалось историков и писателей. То были люди простые, арабы, индусы, китайцы, латиносы, бежавшие от голода и нищеты, готовые кровью оплатить пристанище и землю в новом мире. Многие и грамоты не знали, так что рассказы о первопоселенцах и о том, почему и как называли то или другое, сохранялись в устной традиции.

Если же обратиться к фактам, то Розовая, или Внутренняя, Зона являлась вытянутым эллипсоидом, ориентированным вдоль Рукава Ориона и лежавшим за Бетельгейзе, примерно в двухстах сорока – двухстах восьмидесяти парсеках от Солнечной системы. Тут находился Куллат, материнский мир лоона эо, две их самые старые колонии Арза и Файо и десяток других планет, которые были приспособлены для жизни и заселены еще в ту эпоху, когда по Земле бродили неандертальцы¹³. Звезды в этой области группировались в плотный кластер, дистанция между соседними светилами составляла от двух до пяти световых лет, и все они относились к спектральному классу G¹⁴ – условия, идеальные для звездной навигации и освоения чужих миров.

В определенное время лоона эо вышли за границу кластера и заняли всю его оболочку с разреженными звездами, вплоть до газовых туманностей и лишенных солнц пространств. Это был второй эллипсоид, Голубая, или Внешняя, Зона, протянувшаяся по большой оси на сто двенадцать световых лет и на семьдесят восемь – по малой. Здесь находились четыре дюжины миров, колонизированных недавно в понятии лоона эо, десять-двенадцать тысячелетий назад. Эти планеты были благоустроены и заняты семьями, прибывшими из Внутренней Зоны; их сервы истребили вредную флору и фауну, облагородили леса и горы, возвели жилища, проложили дороги, разбили сады и позаботились о том, чтобы Хозяева могли любоваться приятными пейзажами. В любую из этих планет, в Тинтах, Зайтар или тот же

¹³ Неандертальцы были вытеснены человеком современного типа сорок тысяч лет назад.

¹⁴ Спектральные классы звезд: O, B, A, F, G, K, M. В начале этой классификации белые и голубые высокотемпературные звезды, в конце – низкотемпературные красные. Солнце относится к классу G, к желтым карликам, стабильным светилам, на планетах которых чаще всего возникает жизнь.

Данвейт, было вложено больше труда и больше средств, чем во все колонии землян за два последних века, больше, чем в звездный флот Земли, в военные базы и боевые спутники. Но с течением лет лоона эо все это бросили, переселившись в эфирные города, построенные у материнской планеты Куллат и нескольких самых древнейших миров Розовой Зоны. Часть пограничных планет отдали наемникам, что стало явным и зримым свидетельством богатства и платежеспособности Хозяев.

Правда, ни дроми, ни хапторов, предшествовавших им, лоона эо на своих планетах не селили. С ними рассчитывались товарами или технической помощью при освоении залежей сырья, переустройстве девственных миров и других крупномасштабных работах. Военские контингенты этих рас и корабли, которыми их снабжали Хозяева, были дислоцированы вдоль границы, частью на факториях, частью в космических цитаделях, бывших, вероятно, прообразом астроилов, но спроектированных и собранных сервами в пустоте еще в эпоху освоения Голубой Зоны. Кто в те далекие времена защищал Хозяев, оставалось неясным – похоже, до хапторов сменились три или четыре расы, нанятые с этой целью и своевременно отставленные. Оборонительная доктрина лоона эо была вполне разумной: они считали, что аппетит наемников растет, вера в собственные силы и незаменимость укрепляется, и в результате Хозяева могут попасть в зависимость от слуг. Чтобы этого не случилось, Защитников надо было менять, обращаясь всякий раз к народам, еще не достигшим полного могущества, но воинственным и подготовленным технически. Так хапторов сменили дроми, а последних – уроженцы Земли.

Людам, похоже, Хозяева особенно благоволили, оплачивая их услуги землями, пригодными для обитания, с райским климатом и изобилием лесов и вод. Означало ли это, что военная доктрина изменилась? Или в обществе лоона эо произошли какие-то иные перемены? На данный счет существовало несколько теорий. Согласно первой, Хозяевам, при всем их безразличии к облику наемников, люди импонировали больше, напоминая их самих. Эти эстетические соображения казались не лишними смысла – несмотря на то, что лоона эо были псевдогоманоидами, имелось у них нечто общее с людьми – например понятие о красоте. Согласно второй теории, Хозяева прожили в астроидах так долго, что планеты, особенно Внешней Зоны, потеряли для них всякую ценность и перешли из исторических памятников в разряд товара. Сомнительный вариант! Ведь земных ученых лоона эо к себе не пускали, и больше того – сервы с Плутона, осуществлявшие набор, следили, чтобы в толпу военспецов не затесался какой-нибудь историк или ксенолог. Третья теория гласила, что наниматели хотят создать буферную зону вдоль границы, с населением, которое поставляло бы бойцов и было подконтрольно – то есть удерживалось на определенном, не очень высоком уровне развития. Гипотеза, похожая на истину, ибо в среде переселенцев не наблюдался ни социальный, ни технический прогресс. Возможно, в том не было нужды на благодатных буколических планетах, где снимали по три урожая в год, где не имелось транспортной проблемы, где сервы могли оказать любую помощь. К тому же все мечтавшие вкушать плоды прогресса могли вернуться на свою прародину, где обитало двенадцать миллиардов землян, или отправиться в ее колонии – правда, не столь приятные, как Данвейт или Зайтар.

Существовали, разумеется, и другие гипотезы – четвертая, пятая, шестая и так далее. При этом не исключались самые простые варианты вроде того, что гостеприимный мир и место, подходящее для жизни, – лучшая плата наемникам с перенаселенной Земли. Кроме планет, девать их было некуда; на факториях всех бойцов не разместишь, а часть приграничных цитаделей по-прежнему занимали дроми, не горевшие желанием их освободить. Впрочем, если бы земляне захватили все космические крепости, это не решило бы проблемы – счет переселенцам шел уже не на тысячи, а на десятки миллионов.

Выяснить, какая теория верна, не представлялось возможным. Любопытные терзали вопросами Планировщика базы, однако искусственный интеллект не выдавал секретов

Хозяев, а занимался графиком полетов, ремонтом техники, снабжением и начислением довольствия. Расспрашивать сервов, даже вполне разумных Регистраторов, было бесполезно; они не обладали ни интересной информацией, ни чувством исторической перспективы, ни желанием строить какие-то гипотезы. Самые старые из них помнили дрома и даже знали их язык, но о хапторах и предыдущей смене Защитников не могли поведать ничего, тем более о намерениях Хозяев. По официальным сведениям, какими располагали интеллекты кораблей, штурмовиков и бейри, прежняя эпоха перемен была такой же бурной и кровавой и длилась около столетия. Отличие нынешней ситуации состояло лишь в том, что новые Защитники жили на планетах, и вместе с ними разрешили поселиться дрома – тем из них, кто выразил желание остаться под юрисдикцией Хозяев.

Хоть эти дрома назывались мирными и были ниже травы, тише воды, людей это соседство не радовало. Люди не такие ксенофобы, как лоона эо, но уродливых тварей, пусть даже наделенных разумом, все-таки не любят. Для большей части человечества разум не искупает уродства, мерзкого запаха, чешуйчатой кожи, клыкастой пасти и когтистых лап. К тому же имелись и другие странности.

* * *

«Определенно имелись!» – думал Вальдес, шагнув подальше от темной дыры. Во-первых, форма и размеры – квадрат, а не привычный круг или овал, и в поперечнике почти что метр. Метр без трех сантиметров, как выяснил Птурс, однажды измеривший дыру. Во-вторых, эти фестоны, свисающие по краям, – для чего они? Для украшения гальяна? И в-третьих, запах. Такое амбре, будто не человек тут справил малую нужду, а стадо слонов, причем нужда у них была не малой. Капитальная была нужда!

Фестоны дрогнули, приподнялись, почти закрывая отверстие, и запах стал невыносим. «Очевидно, дромский освежитель воздуха», – решил Вальдес, торопливо выскочил в кубрик и задраил входную щель в переборке. Кубрик являлся самым большим помещением на корабле, но роскошью меблировки похвастать не мог: три сетки для спанья, откидная полка-стол, кухонный автомат и пара приспособлений из пластика – не стулья, не табуреты, но усесться можно. Здесь тоже не благоухало розами, но запах все-таки был терпимый.

Птурс спал, паря над сеткой в поле невесомости. Его мощное брюхо колыхалось в такт дыханию, нос, задранный к потолку, выводил громкие рулады, волосы плавали вокруг головы точно нимб святого. Вождь Светлая Вода медитировал, устроившись в позе лотоса на полу: глаза закрыты, руки – собственная и протез – лежат на бедрах, смуглое ястребиное лицо с сеточкой морщин неподвижно, губы сжаты. Должно быть, под сомкнутыми веками Кро Лайтвотера скользили бесчисленные годы, прожитые им, образы друзей и врагов, ушедших в Великую Пустоту, видения планет, даривших ему краткий отдых, призраки кораблей, в чреве которых он мчался к звездам. Человек в его почтенном возрасте мог вспомнить многое, мог снять печати времени и вызвать картины минувших лет, и даже жить в этом минувшем, героическом и славном, игнорируя невзгоды настоящего. Жить вполне благополучно, так как, прослужив на флоте дольше в двадцать раз, чем Вальдес, Кро имел достойный пенсioen. Зачем ему идти в наемники? Он не нуждался в деньгах, как сам Вальдес, как Птурс, Жакоб и остальные ветераны, чьих пенсий хватало на рюмку бренди и сэндвич с ветчиной. Однако он находился здесь, на «Ланселоте», и объяснений этому не было.

На мгновение корабль содрогнулся, совершив прыжок, и тело Вальдеса откликнулось трепетом мышц и головокружением. Он опустился на пол рядом с Кро. Чеканный профиль Вождя был точно посмертная маска из старой потемневшей бронзы.

Потом его губы шевельнулись.

– Хочешь спросить? – услышал Вальдес. – Спрашивай, Сергей.

Сейчас он был не капитаном, но Сергеем. Капитаном он становился в бою, который скрадывал разницу в годах и опыте, ибо перед смертью то и другое казалось несущественным, ничтожно малым. В другие времена – там, на базе, или тут, в период отдыха, – их сущности как бы обнажались, делая их тем, чем они были в реальности. Сергей Вальдес, тридцати двух лет от роду, выходец из Тихоокеанской Акватории, бывший офицер космического флота, бывший пилот тяжелого крейсера «Рим». Кро Лайтвотер, долгожитель, ветеран всех Войн Провала, помнивший легендарную эпоху адмиралов Врбы и Коркорана, и сам – живая легенда. Впрочем, об этом он говорить не любил.

– Спрашивай, – повторил Вождь, не открывая глаз.

– Сейчас ты одинок, – промолвил Вальдес. – Но было ли так всегда? Или же...

– Хочешь знать, была ли у меня женщина? Есть ли потомки? – Веки Кро приподнялись, но он глядел не на Вальдеса, а уставился в стену. – Да, женщина была. Селина... ее звали Селина... Мы летали вместе тридцать лет, потом еще четырнадцать прожили на Земле. Был перерыв между Первой и Второй Войнами Провала. Мы жили в Малайзии, на ее родине... Потом она умерла.

– Почему? – спросил Вальдес. – В те времена уже умели продлять жизнь.

Протез Кро щелкнул.

– Жизнь, но не молодость и красоту. – Его биомеханическая рука вдруг дернулась, и он вцепился пальцами в колено. – Ты рассуждаешь как мужчина. У женщин другие жизненные ценности и приоритеты. У них...

Новый прыжок. На долю секунды Лимб поглотил корабль и выбросил в реальное пространство в двух световых месяцах от точки старта. Бейри «Ланселот» нес патрульную службу в двести двадцать пятом секторе, продвигаясь в автоматическом режиме между десятым и пятнадцатым витками. В одну сторону, потом в обратную, чуть сместившись вверх, к северному полюсу Галактики. Траектория корабля напоминала извилистую змейку, прикрывавшую часть Голубой Зоны между Шестой и Седьмой факториями. В Патруле этот район считался неприятным – по другую сторону Границы, в парсеке от Шестой фактории, находился Крысятник, захваченная дроми цитадель, и значит, можно было ждать любых сюрпризов. Собственно, дроми не захватили эту космическую крепость, а просто остались в ней после того, как был разорван контракт с Хозяевами.

– Ты мужчина, и ты молод, – произнес Вождь Светлая Вода. – Ты еще не понимаешь женщин. *Esse femina!*¹⁵ У них даже отсчет времени иной – они считают не годы, а морщины, и когда морщин слишком много, пропадает желание жить. Даже с любимым человеком... Возможно, будь у нас дети и внуки, все обернулось бы иначе, ведь каждый родной человек как якорь, который держит женщину. Но я был единственным якорем... и я ее не удержал.

«Ты еще не понимаешь женщин...» – мысленно повторил Вальдес и нахмурился. Не понимаешь... Себя бы понять! Инга... Что она значит для него? Что значит Занту? Их лица промелькнули перед ним, и Вальдесу вдруг показалось, что старый индеец тоже видит эти женские образы, словно их объединила странная связь, в которой не нужны слова. Он посмотрел на Кро – тот улыбался. Потом улыбка погасла, и Вождь сказал:

– Здесь нет проблемы выбора, Сергей. Как говорят у навахо, гусь и куропатка не вьют гнезда. Гусь – птица, и куропатка тоже, но они... – Внезапно Кро оборвал фразу, склонил голову к плечу, будто прислушиваясь к чему-то, и пробормотал: – Сейчас начнется. Я разбужу Степана.

Но Птурса разбудил сигнал тревоги. Завизжало, захрюкало, завоняло, мигнул свет, и они, все трое, бросились в отсек управления, проскальзывая в узкий проем согласно заве-

¹⁵ *Esse femina!* – Вот женщина! (лат.).

денному порядку: первым Вальдес, за ним Птурс и Кро. Вождь двигался последним, чтобы подтолкнуть Птурса, если тот застрянет в щели.

Едва загрузились в ложементы, как «Ланселот» отпартовал:

– Информация для Защитников: двенадцатый виток патрулируемого сектора, объект – одиночный корабль дроми. Атакуем?

– Ждем, – распорядился Вальдес. Данные о пиратском корыте пришли с одного из автоматических маяков, висевших вдоль Границы, но сигнала бедствия не было. Значит, дроми еще не нашли добычу и, вероятней всего, прощупывают оборонительный рубеж. Их корабли, если не считать дредноутов, не рисковали ввязываться в схватку один на один, применяя всякие нехитрые приемы. Случалось, что пират дожидался атаки, потом начинал маневрировать, уклоняясь от боя, пока вторая посудина, внезапно вынырнув из Лимба, не наносила удар. Эта тактика была известна Патрулю. Противодействовали ей разнообразными способами: можно было отслеживать пирата и дожидаться его поделщиков, либо нагнать и распылить его по-быстрому, либо вызвать для страховки помощь. Но, как бывает всегда, каждый способ не являлся совершенством, а имел свои недостатки – главным образом тот, что дроми мог перехватить другой патруль. Премияльные в этом случае уплывали.

– Ты, капитан, долго не шевели рогами, – молвил Птурс и широко зевнул. – Не то в чужих карманах пиастры зазвенят.

– Я бы вызвал поддержку, – произнес Кро.

– Это еще зачем? Я делиться не люблю!

– Делиться никто не любит. Но есть у меня такое чувство, что помощь нам не помешает.

Они заспорили – вернее, настаивал и возмущался Птурс, а Кро больше помалкивал, выстукивая пальцами протеза какую-то древнюю мелодию. Так прошло минут двадцать. Вальдес ждал. По опыту ему было известно, что к предсказаниям Вождя стоит прислушаться.

– Объект в одиннадцатом витке, движется к десятому, – сообщил «Ланселот».

– К тройке Фуа уползает, – недовольно пробормотал Птурс. «Жанна д'Арк» дежурила в соседнем районе, и в ее экипаже кроме француза Гоша Фуа были два темпераментных испанца, Борленги и Перес-Реверте. «Эти ждать не захотят», – решил Вальдес, пошевеливая когтистыми наконечниками в отверстиях консоли. Слабые электрические разряды привычно кололи пальцы, напоминая, что не только гальюн, но и пилотский пульт, и все остальное на «Ланселоте» рассчитано на дроми. Если бы при разрыве контракта им удалось захватить такие корабли, это стало бы изрядной проблемой – пожалуй, лишь земной флот сумел бы справиться с ее решением. Но лоона эо были существами мудрыми: в час «икс» искусственные разумы кораблей прекратили подачу воздуха и, избавившись от экипажей, направились к земным ландскнехтам в Голубую Зону или в Розовую, на модернизацию. Так что дроми теперь воевали на собственной технике, весьма уступавшей «Ланселоту» и его собратьям.

– Объект в десятом витке, движется к девятому, – доложил корабль.

– К Гришке и Бобу уйдет, пока мы клювом щелкаем, – неодобрительно вымолвил Птурс. Гоша Фуа он называл не иначе как Гришкой, Борленги – Бобом, а что до Переса-Реверте, молодого энсина с фрегата «Меридиан», тот являлся просто Перцем.

– Атакуем, – сказал Вальдес. – Раз тебе, Степан, не терпится, ты стреляешь, а Вождь пусть будет наготове. Следи за обстановкой, Кро. Если кто-нибудь еще возникнет, посади его на грунт. Ну, двинулись!

Он согнул указательный палец на левой руке, экраны на миг заволокло туманом, потом лучики звезд кольнули глаза, и на центральном мониторе всплыла пиратская посудина. Прыжок, как всегда, был точен: они вышли из Лимба на дистанции поражения. Зарокотали двигатели гравитационной тяги, пальцы Вальдеса пустились в пляс, и «Ланселот», дергаясь туда-сюда в маневре уклонения, ринулся на цель. Корабль шел зигзагом, однако орудия Птурса не

выпускали мишени, посылая ливень снарядов. В ответ за кормой «Ланселота» вспыхнула и погасла плазменная молния, потом жаркие оранжевые стрелы мелькнули рядом с корпусом, но защитное поле отразило удар. У дроми тоже была силовая защита, и сейчас они решали, как распределить энергию: то ли усилить экраны и сражаться, то ли направить энергетический поток в разгонную шахту и бежать.

«Долго соображают», – подумал Вальдес. «Ланселот» настигал пиратскую посудину, и снаряды, что рвались секундой раньше на границе поля, ударили в орудийную башню. Ослепительный рыжий гриб распустился над ней, Птурс пробурчал: «Ну, вот и засадили в матку!» – и тут же послышался спокойный голос Кро:

– Дредноут, капитан. Деремся или уходим?

Из пустоты, затмевая свет далеких звезд, серым призраком материализовалась огромная туша, окутанная слабосветящимися защитными полями. Корпус, расширявшийся к середине, выступы боевых башен, ребристые бронеовые плиты и мачты с чашами радаров делали корабль похожим на древние линкоры, что бороздили земные моря три столетия назад. Из всех посудин, рыскавших у Границы, дредноуты были самыми мощными и хорошо защищенными. По классу они приближались к средним крейсерам земного флота, и соперничать с ними могли только штурмовики с двенадцатью орудийными установками. Малый патрульный корабль в схватке с дредноутом шансов на победу не имел. На выживание тоже.

– Пресвятая богородица! – прошипел Птурс. – Ну, падла, влипли! По самые помидоры!

Развернув счетверенные пушки, они с Кро открыли огонь. Вальдес, чувствуя, как холодеет в животе, заложил крутой вираж и устремился прочь от серого призрака. Набрать скорость, прыгнуть в Лимб, вынырнуть и вызвать помощь... Пожалуй, других вариантов не было.

– Послано оповещение. – Тонкий голосок «Ланселота» раздался в рубке. – Бейри «Жанна д'Арк» прибудет через четыре минуты двадцать две секунды. Через пять-шесть минут – штурмовики «Рамсес» и «Ганнибал», через тринадцать минут – корабли Конвоя Сайкса.

– Раньше нас поджарят, – пропыхтел Птурс. Оба орудия бейри извергали поток снарядов, и в носовой броне дредноута уже зияла изрядная дыра. Но корабль был слишком велик и слишком живуч; для поражения всех уязвимых точек требовалось время или большее число орудий. Ни того, ни другого Вальдес не имел.

Беззвучная яркая вспышка пламени смахнула с экранов космическую тьму. Дредноут ударил из двух десятков башен, и раскаленные струи плазмы слились единой огненной рекой, тянувшейся будто из жаркого центра Галактики. Оранжевый вал катился вслед за «Ланселотом», и чудилось, что стена огня одну за другой слизывает звезды и обращает в пар туманности. Искусственный разум бейри уже оценил опасность – над консолью скользнули световые блики, сигнал, что защитное поле выведено на максимум. Удержит? Не удержит?... Вальдес, согнувшийся над пультом, бросил корабль в сторону и вниз. Кро с Птурсом прекратили стрелять – снаряды, не достигая цели, взрывались в плазменной волне.

Их задело по касательной. Край огненного шнура рассек защитное поле, лизнул трубу разгонной шахты, и рубка озарилась тревожным всполохом.

– Контурный двигатель выведен из строя, – пискнул «Ланселот». – Задействован ремонтный модуль. Время ликвидации аварии...

«Слишком большое», – мелькнула мысль у Вальдеса, в Лимб не уйти. Но привычное покалывание в пальцах не исчезло, скорость с каждой секундой росла, и значит, гравитаторы были в порядке. Их последняя надежда! Сейчас он мог рассчитывать лишь на маневренность и быстроту бейри, как гончий пес, схватившийся с медведем. На секунду его разум и чувства покинули тесный отсек и словно сконцентрировались в пустоте; он видел крохотную мошку, что убегала от бронированного дракона, ощущал, как бьется пламя в чреве чудища, предви-

дел, когда его струи вновь затопят мир. Это должно было произойти через несколько мгновений. Отсчитав их по биениям сердца, он взмыл вверх и развернулся к преследователю.

Залп дредноута не сжег их, даже не опалил – плазменная жаркая река прокатилась ниже, распалась на струи-молнии и угасла. Теперь оба корабля неслись навстречу друг другу, серый бугристый корпус стремительно надвигался на бейри, и Вальдес, мошка перед пастью дракона, мог нанести последний удар.

– Огонь по орудийным башням!

Но Кро и Птурс уже стреляли. Разрушительный гребень прошел по корпусу дредноута: рушились решетчатые мачты, плавилась и трескалась броня, сворачивались в штопор выпуклые гребни, и над треснувшими колпаками башен курился дымок замерзшего воздуха. Стрелки успели поразить пять или шесть метателей плазмы, и это был отличный результат. «Меньше работы тем, кто придет за нами», – подумал Вальдес, промчавшись над усеянной обломками драконьей спиной. Полтора десятка уцелевших башен мрачно смотрели вслед «Ланселоту». Крылья тьмы смыкались над кораблем, словно желая укрыть его от огненного вала. Но Вальдес знал, что на близкой дистанции им увернуться не удастся.

Мрак раздался под напором молний, плазменные стрелы настигли бейри, смяли силовой экран, впились в обшивку. Корабль встряхнуло, край ложемента врезался Вальдесу под ребра, вышибая дыхание. Замигал и погас свет, отключились мониторы, потом индикаторы подачи снарядов, и «Ланселот» забормотал тонким прерывистым голосом, докладывая о повреждениях. Новые трещины в разгонной шахте, сожженные гравитаторы и блоки защитного поля, расплавленный ремонтный модуль, разбитый поворотный механизм орудия левого борта, срезанные стволы на правом... Безоружный и беззащитный, лишенный хода и возможности укрыться в Лимбе, бейри дрейфовал в пустоте – уже не боевой космический корабль, а гроб с тремя еще живыми существами. Но жить им оставалось недолго.

Птурс заворочался в темноте, сказал:

– Прощаться надо, Kameradys. Я... это... я горжусь, что с вами летал. Лучше сдохнуть в приличной компании, чем...

Лязг протеза оборвал его.

– Ты погоди прощаться, – слышался спокойный голос Кро. – Маниту мне шепчет, что нам еще рано в поля вечной охоты. Даже мне, старику... А вам, чечачо, в них и вовсе делать нечего.

Включилось аварийное освещение, ожил один тактический экран, но разглядеть, что творится в окружающем пространстве, было невозможно: мрак и холод отступили перед ослепительным огнем, вспышками взрывов и облаками светящегося газа. Из этого хаоса появилось нечто длинное, с бесформенными рваными краями, проплыло по экрану и скрылось за нижним обрезом. Вальдес признал кусок дредноутной брони с торчавшим вкось ребром и развороченной башней плазменного метателя. За ним последовали новые обломки, летевшие железной тучей: погнутые кольца гравитаторов, решетчатые фермы, бронеовые плиты, внутренние переборки, мелкий мусор и, наконец, часть гигантской трубы – не иначе как от разгонной шахты дредноута. Расталкивая этот хлам защитным полем, показался бейри, и в рубке зазвучал знакомый голос:

– Эй, на «Ланселоте»! Как вы, Kameradys?

– В порядке, Гош. – Вальдес пощупал ребра, оглядел свой экипаж и уточнил: – Кажется, мы без особых потерь. Если не считать орудий, двигателей и других причиндалов.

– Что там у вас творится? – пробурчал Птурс, энергично массируя загривок. – На экране – бой в Крыму, все в дыму... Ни черта не разобрать!

– «Рамсес» и «Ганнибал» дромии потрошат, – пояснил Фуа. – Обоих, и дредноут, и того, что поменьше. А мне велено оказать вам помощь, если вы еще живы.

– А если нет?

– Тогда извлечь ваши трупы для оказания посмертных почестей и торжественной кремации на базе. Так распорядился Адмирал.

Собственно, у Адмирала Монтегю Ришара не имелось на Данвейте никаких командных прав, кроме как над «Рамсесом», его штурмовым кораблем. Формально столичной базой и всеми боевыми единицами, приписанными к ней, командовал Планировщик с помощью штаба из восьми сервов-Регистраторов. На базах в Шире и Тане были свои Планировщики, и временами три интеллекта объединялись для решения проблем особой сложности – скажем, для стыковки с другими планетарными флотами. Что до Ришара, то он не являлся ни адмиралом, ни даже коммодором – в последнюю войну на Флоте Окраины он дослужился лишь до капитана рейдера «Гасконь». Но не было сомнений, что если бы война продлилась еще десяток лет, все высшие чины, вместе с наградами и славой, украсили бы Монтегю Ришара, прозванного Адмиралом. Он был прирожденный стратег и командир, фактический лидер Патруля, и ни один Планировщик на Данвейте не оспаривал его приказов. Люди-бойцы нуждались в вожде, и только полководец-человек мог занимать подобную вакансию.

– Кремация отменяется, – промолвил Птурс и ухмыльнулся. – А вот почести стоит оказать. Все-таки мы надрали задницу этим...

Внезапно резкий громкий голос перебил его:

– Вальдес! Операция завершена. Сообщите, в каком состоянии ваш корабль.

Вальдес доложил. Рапорт, в лучших традициях космофлота, был краток – краткость и точность особо ценились Адмиралом. Выслушав, Ришар спросил:

– Можете продолжать дежурство? Или хотите, чтобы вас отбуксировали на Данвейт?

– Ремонтный модуль у нас накрылся и оба орудия. Был бы модуль и пушки, а с остальным мы справимся.

– Хорошо. «Тараканов» я вам пришлю, вооружение тоже. Отправим зондом. – Ришар смолк, и две-три минуты слышался только неразборчивый гул голосов и металлический скрежет. Потом раздалось снова: – Капитан Фуа!

– Слушаю, сэр!

– Возвращайтесь в свой сектор ответственности. «Ганнибал» ушел, и мы тоже отправляемся. Вальдес, зонд состыковался с вами? Подтвердите!

Дисковидная тень скользнула по экрану, и «Ланселот» едва заметно вздрогнул.

– Есть стыковка, – сообщил Вальдес. – Благодарю за помощь, сэр.

– Чистого пространства, капитан, – донеслось в ответ.

Птурс, кряхтя и чертыхаясь, начал вылезать из ложемента. Кро покинул узкую щель со змеиным изяществом.

– Пойдем, Вождь, поглядим, чего нам прислали... Так ты говоришь, нам еще рано в поля вечной охоты?

– Так сказал Маниту.

– А что он насчет дележки думает? За дредноут положена куча песюков, а мы его почти урыли. Если по справедливости считать, то наша доля...

Они покинули рубку. Вальдес выбрался из тесных объятий пилотской консоли, снял с пальцев наконечники и снова пощупал ребра. Болело, но не очень сильно – похоже, перелома не было.

Свет стал ярче, и «Ланселот» доложил:

– Подключен ремонтный модуль. Начато восстановление энергоцепей и двигателей. Распоряжения, Защитник?

– Трудись, – произнес Вальдес, – трудись.

* * *

Пусть корабли Патруля не обладали мощностью земных крейсеров, казались тесноватыми и не очень комфортными, но в части выживания равных им не было. В двигателях, генераторах, управляющих блоках и системе подачи воздуха не имелось механических узлов, а там, где без механики не обойтись, отсутствовали рычаги и шестеренки, подшипники, шкивы, зубчатые передачи и другая привычная землянам машинерия. Ее заменяли гибкие стержни, сплетенные в подобие сухожилий и мышц, – пьезокристаллы, способные к сложным движениям под действием тока и, в аварийных случаях, к росту и восстановлению первоначальной структуры. Не менее чудесным был ремонтный модуль, подсистема корабельного интеллекта, управлявшая тысячами «тараканов», – крохотных многоногих роботов-трансформеров, гнездившихся едва ли не в каждом устройстве корабля. Сейчас они приводили в чувство полуразбитый «Ланселот»: монтировали орудия, полировали трубу разгонной шахты, ползали в двигателях гравитационной тяги, резали, сращивали, заменяли, а при нужде превращались в недостающую деталь. Восстановление шло непрерывно и стремительно – в отдыхе и перекурах «тараканы» нуждались не больше, чем в помощи экипажа.

Поэтому экипаж отдыхал, собравшись в кубрике и вкушая пищу, выданную кухонным автоматом. В площадке-контейнере Птурса был гуляш, у Вальдеса – котлеты, а Вождь наслаждался филе лосося под лимонным соусом. Говоря по правде, эти кулинарные шедевры различались только по названию, а в остальном все было едино – безвкусные синеватые комки с ароматом перепревшего компоста. «Возможно, лакомство для дроми?..» – думал Вальдес, стараясь глотать не жуя и не особенно приносясь. Считалось, что киберповар настроен сервами так, чтобы снабжать команду человеческой едой, но у него случались глюки. Нынешний обед был еще не из самых ярких.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.